

ЛАРИСА СОБОЛЕВА

ТАМ, ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ С ПРОШЛЫМ, — ВОЗМОЖНЫ НЕОЖИДААННЫЕ ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ

Я ВЕРНУСЬ,
КОГДА МЕНЯ
НЕ СТАНЕТ

ДЕТЕКТИВ
ПО НОВЫМ ПРАВИЛАМ

Детектив по новым правилам

Лариса Соболева

Я вернусь, когда меня не станет

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Соболева Л.

Я вернусь, когда меня не станет / Л. Соболева — «Издательство АСТ», 2019 — (Детектив по новым правилам)

ISBN 978-5-17-113953-7

Ирму Шубину застрелили у ночного клуба, камеры видеонаблюдения зафиксировали этот момент, а тележурналисты показали по TV. Но настоящая Ирма жива, она видит репортаж в новостной программе. Два с половиной года назад в нее уже стреляли, она упала в реку, выловил ее дед Тема, проживающий в селе, он же и приютил, солгав всем, будто девушка — его внучка. Теперь она — Ирина, прижилась в селе, стала работать на местного «олигарха» Георгия, только за пределы деревни не выезжает. Но смерть своей копии озадачила Ирму: некая девица, очень похожая на нее, заняла ее место? Как это может быть? А муж? Он не заметил, что копия не его жена? И почему ее пытались убить два с половиной года назад?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-113953-7

© Соболева Л., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

1	5
2	14
3	26
4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Лариса Соболева

Я вернусь, когда меня не станет

1

Черная пятница для избранных

На мокром асфальте фигура молодой женщины смотрелась нелепо, выделяясь яркими, не по сезону и погоде, тонами. Сначала в глаза бросалось расклешенное пальто ядовитого цвета электрик, угол полы которого завернулся лицевой стороной, прикрыв вытянутую ногу. Вторая нога, неуклюже согнутая, касалась коленом вытянутой, а лодыжка и ступня отведены в сторону, из бирюзовой туфли на высоком каблуке выскользнула пятка. Затем золотисто-желтая подкладка была по глазам сочным цветом, потом привлекали внимание рыжие волосы, разметавшиеся по асфальту веером вокруг головы, в последнюю очередь – платье. Платье стальное в бирюзовых разводах с широкой юбкой до колен.

– Никогда я не одевалась в цвета попугаев, – сказала Ириша.

Услышав странную фразу, дед Тема взглянул на нее поверх очков и, озадачившись, задержал взгляд на девушке. Давно жил он один, а два с половиной года назад приютил Иришу, стала она ему вместо внучки или дочки – неважно. Главное, как будто всю жизнь с ним жила, в общем, скрасила бессмысленное существование.

Человек он на вид крепкий, не худой и тем более не толстый, несмотря на семьдесят пять лет – здоров, если не считать скачущее давление, да и то это явление редкое, к счастью. Тельняшки носил летом и зимой: летний тельник без рукавов, а зимой с рукавами, сверху свитерами утеплялся.

Сидела Ириша в профиль к нему за круглым дубовым столом времен двадцатых годов прошлого века, накрытым клетчатой скатертью с бахромой, упирався в столешницу ладонями. Сидела, подавшись вперед, словно хотела проникнуть сквозь все эти непонятные цифры, из которых складывается изображение в телевизоре, и очутиться там, на мокром городском асфальте среди полицейских. Но его поразил не столько зачарованный вид Ириши, сколько интонация – тихий голос и вдруг откуда-то взявшаяся сила в нем, а также нечто отчаянно-безысходное, спрятанное глубоко внутри, уловил дед Тема в голосе приемной внучки.

– Бирюзу люблю, но не в таком же сочетании.

Невольно он перевел взгляд на цветную картинку, правда, тускловатую, так ведь событие случилось в вечернее время. И сморщил дед свой картофельный нос, выражая неудовольствие, ибо на экране... Одно и то же показывают: криминал на криминале, будто все добрые дела закончились.

Ну, молодая дама лежит с простреленной грудью, пятно черное расплылось до самой шеи; лица не разглядеть: и далековато, и отвернуто от камеры. Зато рыжие волосы во всей красе – так и сияют под искусственным освещением.

Любил дед Тема рыжих баб, жена его была рыжая да конопатая, а еще жаркая: обнимешь – и огонь по жилам течет вместо крови. Иришка тоже рыжая, но без веснушек, а жаль – веснушки задорной делают женщину, притягательной, непохожей на других.

Не понял дед, что так захватило девушку, за два с половиной года он впервые видел Иришу перевозбужденной. При всем при том она прилагала немало усилий, чтобы не выплеснуть из себя все то, что копилось в ней, возможно, не один год. Между прочим, отличалась она от всех баб, встречавшихся на его веку, как раз умением держать себя на уровне. Уровнем

дед называл воспитание, а все остальное – лишь приложение к этой необходимой и наиболее важной составляющей человеческой породы.

Однако теперь дед Тема иначе посмотрел на экран, силясь понять, что ж там такого захватывающего увидела Ириша? И слух подключил, а то ведь забот полно, о них думал во время своего занятия, а занимался он исключительно важным делом – сетку плел, чтобы браконьерить на речке.

– ...без десяти девятнадцать вышла из машины и направилась в ночной клуб «Саламандра», – бодренько вещал женский голос за кадром, предыдущую информацию дед Тема, разумеется, пропустил. – Спустя всего несколько секунд из-за угла выехал мотоциклист, затормозил, перегородив дорогу Ирме Шубиной, и выстрелил в нее два раза с близкого расстояния. Камеры видеонаблюдения зафиксировали этот момент...

Картинка на экране сменилась, дед понял, что репортаж уже смонтирован, а не ведется в реальном времени. Изображение стало хуже, но ненамного, вид сверху: молодая женщина, захлопнув дверцу автомобиля, сделала несколько решительных шагов вперед. Появился мотоциклист, два выстрела – и женщина падает в замедленном темпе, словно пьяная, а не убитая.

Дед Тема, забыв про свою работу, поднял седые брови, отчего резче обозначились морщины на лбу, вытаращил бледно-голубые глаза, громко возмущившись:

– Человека, пусть женщину, но убивают! А они нам это показывают во всех подробностях! Зачем? Чтоб молодежь училась, как стрелять в людей?

Не удалось ему вовлечь в разговор Иришу, а ведь они частенько обсуждали новости за вечерним чаем. Телек теперь у деда... мечта, а не телек: большой, широкий, плоский, все на нем видно, даже буквы видно без очков. Иришка купила! Она же умница, работает у тутошнего олигарха помощником, а в свободное время помогает соседской ребятне с английским и русским. Бесплатно! В свое время ей помогли, теперь она долг отдает, но люди продуктами возмещают уроки, а это немало. Иришу в школу звали! Не хочет. Говорит, преподавать системно вряд ли сможет, немного помочь – другое дело.

На экране тем временем молодой и внешне очень примечательный мужчина, зло сверкнув глазами из-под нахмуренных бровей, резко выбросил руку к камере и закрыл пятерней объектив под комментарием журналистки, которая, наконец, показала себя:

– Муж убитой отвечать на наши вопросы отказался, впрочем, для него эта пятница в прямом смысле стала черной. Следствие тоже пока не может назвать предварительных версий... или не хочет. По слухам, светская львица Ирма Шубина последнее время отличалась скандальными выходками...

– Ишь, растрещалась, замухрышка! И чего это некрасивых девок берут в журналистки? – забрюзжал дед Тема, вовлекая Иришу в диалог. – Глазу приятно должно быть, когда он телек смотрит...

Но экран просто-напросто заморозил ее! Не видела, что ли, убиенных? Каждый день показывают то в кино, то в новостях, то в передачах. Нет, она будто не слышала сторонних фраз, потому не реагировала, а выглядела до крайности озабоченной – еще один штрих к необычному состоянию Ириши. Ему осталось проворчать с чуть заметной обидой:

– Раньше мужиков валили, теперь за баб принялись.

А в следующий миг он вынужденно замолчал, потому что появилось фото молодой женщины почти во весь экран! Тут-то дед и замер, сраженный портретом убитой, даже рот приоткрыл, словно что-то хотел сказать, да не смог от потрясения выговорить ни звука.

До боли знакомыми ему почудились ярко-рыжие кудри, рассыпанные по плечам, да и медного цвета глаза видел он не раз, а вот дерзкий взгляд, направленный чуть в сторону, незнаком ему. Но полуулыбка, тронувшая губы цвета спелой морковки, точь-в-точь... Иришкина!

Да-да-да! Дед Тема даже головой тряхнул, полагая, что померещилось ему, но нет – копия Иришки на экране осталась! Только призывно-провокационная мимика совсем нехарактерна

для нее, она вызывающая, а Ириша мягкая, нежная, можно сказать, кроткая, хотя характер у нее, без сомнения, есть. Внезапно появившись в его доме, девушка заставила деда жить по новым правилам, укротив довольно жесткий нрав хозяина. Теперь, чтобы пропустить рюмашку с соседом или того хуже – покурить, нужно это делать тайком, чтоб Ириша не видела. Ругается! А жизнь его стала светлее и теплее – вот такая странность.

– Ба-а-а!.. – протянул дед Тема, качая головой в знак изумления. – Гляди, Ириша, как на тебя похожа-то! Пряма сестра родная... э... как близняшка...

– Это не сестра, – сказала Ириша тусклым голосом.

– Так я ж и говорю: КАК сестра! Не-е-е, ты лучше. У этой, что застрелили, смелости в избытке на мордахе, нехорошо для женщины... Ты чего, Ириша?

Она, неотрывно глядя в телевизор, встала со стула, упираясь ладонями в столешницу, застыла, вроде как и не дышала. С появлением нового снимка той же девушки в светлом пальто с букетом осенней листвы под цвет ее волос произнесла совсем чужим голосом:

– Вот моя фотография, до этого не мои были.

Обалдевший дед снова перевел взгляд на экран любимого телика, а там уже другой снимок: рыжая девушка в длинном (нарядном) летнем платье с оголенными плечами у автомобиля. Он покосился на Иришу, вопросов не задавал, просто не знал, о чем в таких случаях спрашивают, она сама сказала:

– И это... моя фотография... четырехлетней давности... Обе были напечатаны в глянцево-м журнале. А это... это уже не я.

Нет, она! Она, она! С ума сойти! На экране фото Ириши в каком-то публичном месте типа ресторана, судя по столикам за ее спиной, и она точно не в себе. Нет, ну, правда, видно же: пьяная, к тому же растрепанная, какая-то вульгарная и неопрятная.

Следующая фотография наверняка из того же места, так как платье на Ирише (или не Ирише?) из предыдущей фотографии, но теперь девушка сидит на полу у стены и то ли плачет, то ли хохочет...

Еще фотка – для пуританина деда Темы просто немыслимая: Ириша (нет, похожая на нее девица) держится за вертикальную палку, а сама... с сиськами наружу! Одежда на бедрах, а изогнулась... как гимнастка. Дед Тема, глядя на калейдоскоп компрометирующих снимков и почесывая седую бородку, произнес задумчиво, кстати, не обращаясь к Ирише, словно себя спрашивая:

– Кого же тогда застрелили сегодня?

– Меня. Так будут думать все.

– А кто она?.. – указал он подбородком в сторону телевизора.

– Не знаю, Артем Иванович, не знаю. Но сестер у меня никогда не было ни родных, ни двоюродных, истории про разлученных близнецов тоже не мой случай. А имя... имя у меня было – Ирма Шубина.

Если б кто-то со стороны услышал их, непременно подумал, что Ириша слегка умом тронулась, но дед Тема воспринял ее слова всерьез:

– Так это... ты что же, все вспомнила?

А она никогда и не забывала. Просто всех обманула, будто потеряла память, – в исключительных условиях обман бывает спасением от опасных вопросов и абсолютно ненужной помощи. Обстоятельства иной раз непредвиденно поворачиваются самой черной стороной, появляется необходимость отсоединить от себя прошлую жизнь, вырезать из биографии, как некий болезненный нарост, ошибочно прилипший к здоровому телу, душе, сознанию. И тогда выходом становится... банальная, но для всех убедительная потеря памяти. Зато никому в голову не приходит вернуть человека в его прежнюю жизнь – возвращать-то некуда.

Но сегодня Ириша проболталась, произвольно проболталась, потеряв контроль над собой. Потому что репортаж, который она смотрела, включил старую программу, а в ней –

обида, боль, страх, смерть и выживание... Все звучит тоже банально, но при условии, что происходящее не касается лично тебя. Однако история в телевизоре касалась Ириши напрямую, и это отдельная повесть.

Появилась очередная фотография на экране, словно из романтических грез десятиклассницы: синее море, солнце и ветер, яхта (часть яхты), она в голубом свободном платье, он – в белом спортивном костюме, оба позируют перед камерой, стоя в обнимку. Яхту сменили другие кадры – с похожей на Иришу девушкой, явно в момент съемок шел дождь, а она, свернувшись калачиком прямо на земле, мокрая, грязная и хохочущая...

– Это уже не я, – сказала Ириша. – Это другая...

Дед и без нее догадался, что не она валялась в луже, за каких-то несколько минут он научился различать настоящую от поддельной. Его Ириша такое не способна отмочить ни в одном из известных состояний человека, кстати, и пьяной она не бывала. Безусловно, он жаждал услышать ее историю, раз уж вспомнила, кто она есть, да не стал давить вопросами, видя, что в данную минуту ей не до повествований, только произнес тихо:

– Веселую девку убили. Стало быть, она выдавала себя за тебя?

В эту тяжелую атмосферу немых вопросов и недосказанности врвался бодрый голос тележурналистки, звучавший за кадром:

– После автомобильной аварии, которая случилась два с половиной года назад, Ирма Шубина кардинально поменяла свои изысканные манеры на вольное поведение. Последнее время светская львица Шубина создавала проблемы своему мужу, она стала настолько раскрепощенной, что постоянно попадала на страницы желтой прессы, интернет-изданий и телевизионной хроники происшествий. Ее часто видели в нетрезвом состоянии, она приставала к мужчинам, могла устроить дебош в ресторане с битьем посуды, раздеться донага на спор в общественном месте...

Слайд-шоу кончилось, вновь появилась неприглядная картина с женским трупом на мокром асфальте, и это уже репортаж в реальном времени. Молодой мужчина что-то доказывал одному из полицейских, тот слушал его с ленивым вниманием.

– А что за мужик руками машет? – поинтересовался дед Тема. – В светлом плаще?

Ничего другого не осталось Ирише, как сказать правду, раз уж проболталась:

– Это мой муж... его зовут Даниил.

– С вами были: Анна Петренко и Антон Краснов, – сказала журналистка, появившись на экране на несколько секунд. – Следите за новостями на нашем канале и на сайте. Берегите себя. Увидимся.

* * *

Открыв дверь, Виктория отступила, пропуская Даниила. Задержался он в прихожей на незначительное время, только чтобы скинуть обувь. Затем двинулся в комнату, на ходу сняв плащ и бросив его на канапе, а очки-хамелеоны машинально оставив на столике под зеркалом. Сегодня Даниил не отметился даже дежурным поцелуем, выглядел уставшим, мрачным, угрюмым... таким Вика его еще не видела. Плащ соскользнул с канапе и упал на пол, она подняла, повесила в шкаф и вошла в комнату.

Даниил полулежал в кресле, вытянув скрещенные ноги и прикрыв веки. Работал телевизор. Вика задержалась в дверях, рассматривая человека, которого любила, но... не знала. Сегодня, сейчас пришло на ум: не знала – не странно ль? Она поймет с закрытыми глазами, когда Даниил обнимет ее, что это он, его черты узнает на ощупь, определит по шагам – кто идет. Два года назад, когда Вика пришла наниматься к нему на работу, крышу у нее унесло почти сразу и очень-очень далеко. Причем не сказать, что он смахивает на супергероя из кру-

того боевика или на мачо с обложки журнала, рекламирующего пляжи Малибу, но при всем при том у Даниила своеобразная и довольно примечательная внешность.

Ну, а как могла Вика остаться безучастной к жадным очам, которые буквально вонзились в нее черными стрелами? Однако глаза совсем не поражали величиной и красотой – расположенные близко к переносице, они казались спрятанными за веками и прямыми ресницами, но Вика всегда угадывала его настроение по выражению глаз.

Сухощавый Даниил может показаться несимпатичным, но чем дольше смотришь на него, тем больше нравится прямой тонкий нос, высокий и вертикальный (без покатов) лоб, линия рта с упрямыми губами над острым подбородком, резко очерченные, слегка монгольские скулы. А вместе несуразные черты делали лицо brutальным и одновременно (редкое сочетание) изысканно-надменным, стало быть, идеально мужским. И как было не обратить внимания на шапку непокорных волос цвета антрацита, норовивших при каждом движении головы упасть на лоб, закрыв густые брови?

С первой встречи ей понравилась его манера держаться, хотя движения у Даниила резкие и неожиданные, при всем при том уверенные. Смотришь на этого человека и понимаешь: ему все по плечу, он заполучил лучшую подружку, о которой мечтает поголовно все человечество, – Фортуна.

На работу Даниил взял ее без тестирования, прочитав резюме прямо при ней, изредка бросая на девушку молниеносные взгляды, отчего душа внутри делалась маленькой и жалкой. К этому времени ей было известно, что Шубин в течение месяца уволил всех офисных работников практически с одной формулировкой: промышленный шпионаж. Кто-то что-то сдал (или продал), виновника не нашли, разгневанный Даниил решил всех убрать, вплоть до уборщиц и охранников. Поговаривали, на работу он берет только красивых женщин, но совсем не для развлечений (ах, какой изъяс! – жалели офисные мышки). Да-да, интрижек не заводил, на дружеский контакт с подчиненными не шел, довольно-таки закрытый субъект.

Впрочем, Вика – реалистка – отдавала себе отчет и без досье на Шубина, что по сравнению с ним она большой-большой ноль. Поэтому, получив работу в экономическом отделе, и не порывалась строить шефу глазки или жеманничать, тем более Даниил Романович не давал ни малейшего повода. Мало того, он вообще не общался с работниками, только через менеджеров, к нему подойти нельзя – охранники не пустят. Но Викторю иногда вызывал и нагружал поручениями, она исполняла их, так прошло месяца четыре.

Однажды девушка засиделась в отделе допоздна только потому, что не хотелось идти на съемную квартиру, которую делила с приятельницей, менявшей парней слишком часто, чтобы их запомнить. Когда сосед/соседка занимает собой все пространство от пола до потолка, второму жильцу не находится крошечного уголка даже в собственной комнате. Виктория стала задерживаться в офисе, а работы невпроворот, этого добра всегда в избытке.

Вдруг вошел шеф. Даниил Романович тоже не горел желанием ехать домой, как выяснилось позже, он пригласил Викторю... обалдеть!.. пригласил поужинать! Язык не повернулся отказать. На тот момент это был лучший вечер в ее жизни, оба как-то сразу нашли общий язык и много болтали. Оказалось, кругозор Даниила не ограничен узкими рамками бизнеса и производства, а достаточно широк.

Вика лишь контролировала себя, чтобы не показаться слишком заумной и не слишком правильной, на собственном опыте знала, как оба эти недостатка отпугивают мужчин. Но, может быть, ей не везло на бойфрендов, попадались какие-то недотепы или самонадеянные дураки. По большому счету на них не стоило тратить время, просто все упиралось в шаблон: красивая молодая девушка и – одна, это противоестественно. В тот вечер за свои неполные двадцать пять, сидя за столиком на двоих в уютном полутемном зале, Вика впервые забылась, она не ощущала, как пролетают минуты: настолько интересно было с Даниилом! Кстати, он попросил называть его по имени, без отчества, она согласилась:

– Хорошо, но только не в офисе.

– Ты умеешь удивлять.

– Чем же?

– Ну, хотя бы тем, что в офисе мы сохраним прежние отношения по твоей инициативе, а я хотел просить тебя об этом.

– Но у нас нет никаких отношений, – рассмеялась Вика.

А рассмеялась глупо-глупо, будто намекала, что она совсем не прочь несуществующие отношения перевести в реальную плоскость, что, конечно же, было не так. Даниил, видимо, понял, как именно Вика о себе подумала, и огорошил ее откровенным предложением:

– Дело поправимо. Ты мне нравишься... Не обидишься, если приглашу тебя продолжить знакомство в гостинице? (Не веря своему внезапному счастью, она лишь отрицательно мотнула головой – нет-нет, не обижусь.) Тогда поехали?

Черт возьми! Что он в ней нашел?! Вика, бесспорно, не серая мышь, у нее нордическая внешность: кожа белая, глаза огромные и голубые, она природная светлая шатенка с густыми волосами почти до талии, и губы у нее яркие. Да все-все антропологические данные в прекрасном состоянии, но Шубина Вика считала недостижимым. Может, Даниил со всеми так – в первый же вечер предлагает переспать, а на следующий день выставляет себя непогрешимым и не узнает вчерашнюю секс-партнершу? В сущности, какая разница? Ей столько лет, а она не испытала очарования, когда целует мужчину, который безумно нравится.

Не колеблясь, Виктория поехала в гостиницу, зная наверняка, что это будет разовая акция, грубо говоря. Пусть. Главное, она не витала в иллюзиях и своим временным счастьем буквально захлебывалась. Возможно, поэтому Даниил, видя искренность, редко встречающуюся в его среде, сказал под утро:

– Я женат. (А то это никому не известно!) Жену не люблю, но не брошу ее, не могу. Если тебя устроит положение...

О, это не Вика сказала, кто-то другой ее голосом проблеял:

– Устроит. Меня все устроит, только будь со мной.

Он обнял ее крепко, словно в знак благодарности, да и Вика теснее прижалась к нему, радуясь, что вопреки ожиданиям продолжение последует. Потом Даниил купил эту квартиру, перевез ее сюда и регулярно приезжал, а она, как дура, упивалась украденным счастьем.

На работе все осталось в прежних рамках: он – работодатель, она – его подчиненная, никто не догадался до сих пор, что их связывает нечто большее! Вика честно выполняла условия, впрочем... он ведь не требовал, чтобы она молчала, Даниил вообще не ставил ей условий, это как бы само собой подразумевалось.

И потекло время... Бесперспективность – вещь малоприятная, к тому же Виктория не могла не заметить постоянную мрачность Даниила, но, несмотря ни на что, обделенной себя не чувствовала, тем более обманутой. Она умела радоваться тому, что есть здесь и сейчас, далеко вперед не забегала, потому как ничего из того, что нафантазируешь, обычно не сбывается.

Однако сегодня многое изменилось после репортажа. Не изменился Даниил. Поэтому сейчас Вика смотрела на своего земного бога и вспоминала: где, когда, как и в чем он проявил слабость, случались ли у него срывы, какие Даниил имеет негативные черты? В движениях резок, что можно отнести к холерическому складу, но срывов с истериками не позволял себе. Может, идеально воспитан? Вовсе нет! Виктория из интеллигентной семьи, с правилами хорошего тона знакомилась не по методичкам, написанным дилетантами, а усваивала с пеленок, живя среди родных, которые даже слов таких – «правила тона», «этикет» – никогда не произносили, они просто с этим жили.

Что же ей бросилось в глаза, когда узнала Даниила ближе? У него имелся пробел по этой части, Вике приходилось аккуратно подсказывать ему некоторые тонкости. Что еще? Он никогда не говорил о любви к ней, впрочем, она тоже: навязывать себя – последнее дело. Даниил

остался закрытым, как запаянный железный сундук со дна моря, кстати, и холодным был всюду, кроме постели. Интересно, какой видел ее он? Даниил ведь тоже не знает, чем живет она, что думает, чего хочет, значит, и его тайная любовница – запаянный сундук. Только Виктория любит его, а он ее? Не знала. Она вообще мало что про него знала.

– Ты видела? – вдруг спросил Шубин, не открывая глаз, но слегка приподняв палец правой руки с подлокотника, указав на телевизор, висевший на стене.

– Да, – призналась Вика, догадавшись, о чем он спросил. – Нонна Угольник позвонила, я включила телевизор и...

Она забралась на диван с ногами, провела по его непокорным волосам ладонью, он мгновенно отреагировал: взял ее руку за запястье и опустил вниз. Не грубо, но словно отстранился, а ей именно в эту минуту хотелось поддержать его, сказать, что она всегда будет рядом... как там у католиков? – в горе и радости. К сожалению, Даниил не требовал подобных «жертв».

– И что теперь будет? – поинтересовалась Виктория.

– Следствие, – вяло промямлил Даниил. – Полиция будет искать убийцу. Меня вызывают к следователю, но пока не определились с днем. Но я уже имел предварительную беседу с главой следственной группы – отвратительная штука. И беспардонный мужик, еле отделался от него. К счастью, не он будет вести расследование.

– А ты не знаешь, кто мог убить твою...

В этом доме не произносились слова «твоя жена, твоя Ирма, твой дом, твоя семья», поэтому Вика осеклась, не желая сердить Даниила. Все же пару раз она видела его в гневе – малоприятное зрелище, подтверждающее, что родители не заморачивались воспитанием сына. Не хотелось ей, чтобы его гнев обрушился и на ее голову, о нет.

– Откуда мне знать, – проговорил он все тем же вялым тоном. – Не виделся с ней неделями: я уходил – она еще спала, она приходила – я уже спал. Со скандальными выходками знакомился раньше, чем встречался с Ирмой. Мы жили, как... как соседи в коммуналке, которые ссорятся из-за очереди, кому мыть общий сортир с коридором.

Забывшись, Вика улыбнулась, придвинулась к нему ближе и, положив подбородок на его плечо, произнесла воркующим голосом:

– Кто бы мог подумать, что Даниил Шубин знает о таких низменных вещах, как коммуналка, общий сортир и очередь в него.

Наконец он открыл глаза, скосив их на девушку.

– По-твоему, я полный отстой, не знаю, как люди живут?

– Честно? – подняла на него глаза Вика. – Думаю, не знаешь.

– Моя бабушка прожила всю жизнь в коммуналке на третьем этаже трехэтажной развалюхи с протекающей крышей, принципиально не переезжала к родителям. Она считала их огрызками капитализма, классовыми противниками и не принимала никакой помощи, даже когда нуждалась. Мне приходилось всеми правдами и неправдами подсовывать ей продукты и деньги, я врал, будто сам зарабатываю.

– Правда? – не верилось ей.

– Правда. И полы мыл на лестнице, в коридоре и злополучном сортире, когда наступала бабушкина очередь, но она болела.

– Ничего себе!

Виктория попробовала представить его в растянутых трениках с половой тряпкой, шваброй и ведром... нет, это невообразимо! Она прыснула, да тут же вспомнила, что не к месту выдает положительные эмоции, и закусил губу, опустив голову. А через полминуты ее осенила жуткая мысль, Вика отстранилась от Даниила и с беспокойством выпалила:

– А тебя не будут подозревать?

– На основании чего? – Он остался совершенно спокойным, чем немного и Вику успокоил, но не до конца. – В основе каждого преступления лежит мотив, то есть в результате

убийства кто-то хочет получить нечто ценное или важное. Это может быть наследство, деньги, страховка, квартира-дом, бизнес. У меня нет мотива, потому что всем этим я владею в избытке. Дом и бизнес достались от отца, а не приобретены в браке, так что со смертью Ирмы я ничего не получу в материальном плане.

– Но это могут быть и нематериальные ценности, – возразила Вика. – Месть, ревность... Как насчет свободы от жены?

– Это не мотив, Вика, – немного раздраженно бросил он. – Для того чтобы избавиться от Ирмы, мне достаточно было выставить ее за дверь с парой чемоданов и без счета в банке, так как детей у нас нет.

– Не сердись, просто я подбрасываю возможные версии, которые можешь услышать в полиции, чтобы ты был готов к нападкам...

– Скажу честно, жалею, что не выставил. Я не уверен, что Ирма после этого осталась бы жива... но теперь, в связи с ее убийством, и мое имя будут трепать на всех углах.

– Так-таки на всех?

Виктория намекнула, что не столь уж он известен в городе, чтобы только о нем и говорить, все-таки не звезда шоу-бизнеса, а Даниил указал глазами на экран телевизора, там начался повтор репортажа с места происшествия:

– Вон... этого достаточно.

Он смотрел репортаж с выражением едва уловимой гадливости. Стоит себя поставить на место Даниила и увидеть весь ужас на экране его глазами, начинаешь понимать, как ему, мягко говоря, не комильфо. Но слов утешения не находилось, нет, правда: любовница утешает любовника, дабы тот не страдал из-за бесславной гибели своей дуры жены, – не глупо ли? Можно и другими способами выразить отношение лично к нему: прижаться теснее, обнять крепче и дать ему то, чего он всегда был лишен в собственном доме, – покой и любовь. Пусть сейчас Даниил мыслями далек от нее, он все равно с ней, к тому же впервые делился тем, что его волновало и тяготило:

– Знаешь, а для нее, может быть, смерть – лучшее, что случилось. Ирма дошла до последней точки распада.

– А ты не пробовал лечить ее?

– От чего? Она не хроник-алкоголик, спокойно могла не пить, но пила из вредности, когда вспоминала, что трезвая. И эпатировала – лишь бы досадить мне. Распад внутри Ирмы образовался, она больная ходила, если бешенству своему не давала выхода в извращенной форме. Это называется – психически неустойчивая, неуравновешенная.

– Почему же тогда...

Вспомнила, что дала себе слово не лезть в его отношения с женой, никогда не интересоваться – почему так, а не иначе, и прикусила язык, однако Даниил закончил ее фразу:

– Не разводился? Жалел, представь себе. Вот уж точно: чемодан без ручки – тяжелый, ненужный, а выбросить жалко. Ирма ничему не научилась, работать не привыкла, да и где бы она работала с характером богатой стервы, кто терпел бы ее? Я ждал, когда запас бешенства и злости на весь мир у нее истощится, когда она перебесится или хотя бы устанет от самой себя, чтобы договориться и расстаться по-тихому. Видимо, Ирма это понимала и мстила мне, заранее мстила.

На взгляд Виктории, позиция Даниила спорная, ну, не имеет смысла мучиться, когда семейная пара существует в контрах, если только оба не мазохисты. При любых раскладах кто-то все равно станет жертвой, как правило, страдает слабая сторона, так что продолжение лишь способствовало бы обострению вражды. Впрочем, спросить-то она хотела совсем о другом – как докатились оба до жизни такой? Ну, раз Даниил понял по-своему, Виктория построила свой вопрос немножко иначе:

– А как объяснишь, что не знаешь о собственной жене практически ничего, что помогло бы следствию?

– Да так и объясню... примерно как тебе.

– Этого нельзя делать. – Впервые Виктория позволила себе тон категоричного ментора. – Только не сердись, но хочешь или нет, а тебя будут подозревать хотя бы для точки отсчета, ну, положено у них так! А поскольку ты человек успешный и состоятельный, начнут вымогать...

Порывисто взяв девушку за плечи, Даниил притянул ее к себе и припечатал поцелуем в губы, через минуту у самого уха Виктории, обжигая ее щеку и шею горячим дыханием, произнес шепотом:

– Хватит об этом. Я приехал сюда не для того, чтобы говорить и думать о том, что случилось. Завтра подумаю.

«Приехал сюда» – волшебные слова! В тяжелый момент, а у Даниила именно такой период, люди бегут к самому близкому человеку за участием, поддержкой, любовью, советом. Он приехал к ней, а не к кому-то другому, значит, Вика для него не временное явление! Она возликовала, но внешне виду не подала, в то же время не отказала себе в порыве обнять его за шею крепко-крепко, подавляя голос совести, напомнивший, что радость Виктории неуместна и цинична.

2

Утопленница или русалка?

– Ничего не говорила! – досадливо бросил дед Тема. – Ни вчера, ни позавчера, ни сегодня... Нет, неправда, сказала! Еще в пятницу просила, чтобы я никому ни слова. Да у нас же ничего не утаишь! Телик народ смотрит, правда, не все любят новости, но мне прибегали сказать, что показывали похожую на Иришу девку. И все. А Ириша ни слова. Мне что, клещами тащить из нее? Тогда неси клещи и покажи, как это делать. Я и так слово нарушил, тебе вон растрепался.

Дед Тема плел сетку в своем углу, работа небыстрая, требует внимания, а у него на леске сами собой узлы вязались – потому что то на Гошу отвлекался, то думы всякие беспокоили по поводу Иришки.

Георгий приехал выяснить у деда, что с ней, – мол, какая-то не такая она последнее время. В субботу еле вытащил ее на день рождения бухгалтерши – не хотела идти, дед настоял, мол, нехорошо обижать человека, пусть женщину, с которой работаешь. Артем Иванович товарищ наблюдательный, сразу подметил, что олигарх обеспокоен, это радовало деда, но сейчас речь не о том. Ириша просила – никому! С другой стороны, Гошка в курсе их тайн, скрывать от него нечего, вот и огорошил его:

– В пятницу нашу Иришку второй раз убили, теперь уж наповал.

И рассказал то немного, до чего сам додумался и то, что услышал от Ириши, – немного, к сожалению. Георгий стоял в дверном проеме, опираясь о косяк спиной, скрестив на груди руки. Нравился он деду Теме, мужик видный, крепкий, основательный, лицом... нормальный. А какое лицо должно быть у мужика? Мужское. Не нравилась прическа, Гошка стригся почти налысо, как зэк – что за мода дурацкая? Но волос у него много, густые, без них как-то удобней, объяснял сам Георгий.

По деревенским меркам в свои тридцать три он достиг небывалых высот: на одно село и четыре деревни, расположенные кучно, единственный олигарх – как его прозвали здешние бабки, а дедки подхватили прозвище. Его уважают, так ведь есть за что: умеет он и работать физически, и руководить, жители деревень пашут у него, что показательно – людей Георгий не обижает, сам прошел школу обид и сделал правильные выводы. В других селах и деревнях разруха, а эти пять поселений живут и в ус не дуют, а ведь разные времена переживать приходилось. Поначалу он и психованным бывал, и ошибок много делал, и с народом не удавалось ему ладить, народ ведь тоже разный, но молодость быстро учится, при условии, если сильно хочет учиться. А родной дед и его друг Артем Иванович направляли горячего парня, чтобы кипятилок не ушел в песок.

Так городской пацан, амбициозный, как многие городские, нагловатый, не нашедший своего места в каменных джунглях, не приспособленный ни к чему полезному (по мнению обоих дедов), постепенно становился человеком. О других научился думать, вон примчался выяснить, что с Иришкой, потому что неравнодушен к ней, надо полагать. А два с половиной года назад...

* * *

Весна два с половиной года назад была ранней, теплой, голосистой – птицы свистали, распевали, курлыкали на все лады, как будто их вином напоили. Домашняя живность сдуру поддавалась всеобщему возбуждению и устраивала свои концерты, словно взбесившись, на реке лягушки с ума сходили. В деревнях сейчас люди продвинутые, но и суеверных полно, они-то

и пугали, мол, не к добру живность бушует. А по мнению Артема Ивановича, после холодной зимы все живое радовалось теплу, зелени и беззаботной жизни.

С рюкзаком за плечами и удочками он затемно отправился на рыбалку пешком под переключку петухов. Шагал и, вдыхая прохладный воздух, поглядывал в небо – звезды перед восходом сверкали крупные, яркие, пестрые. Дорогу дед знал как свои пять пальцев, потому темнота не мешала ему правильно сворачивать на поворотах и находить узкие тропки в рощах. За многолетнюю практику время было выверено с точностью до минуты, и когда Артем Иванович добрался до реки, вокруг заметно посветлело, как и рассчитал старикан. Он отвязывал лодку, предвкушая праздник души – как же дед любил посреди реки наблюдать за рассветом и попутно за поплавами, слушать лягушачьи песнопения и смотреть, как на глазах гаснут звезды, пить из термоса чаек и...

Неожиданно он услышал стон. Человеческий. Впрочем, стонать может только человек, живность иначе издает звуки, но это не все. Тембр ему показался женским, но может, дед и ошибся.

– Свят-свят-свят... – произнес не верящий ни в Бога, ни в черта Артем Иванович. – Это что было? Взаправду или померещилось? Кому тут стонать?

И ведь было кому! Потому что снова раздался стон, снова женский. Дед Тема поворачивался на месте, не понимая, в какой стороне стонали, вода ранним утром колдовская, способна все звуки переставить местами, указать неправильные ориентиры.

Опять стон... обрывочный какой-то! Артем Иванович теперь уверился, что стонет женщина. В голову полезла всякая дурь: вспомнились бабьи сказания про утопленниц, русалок... Причем, когда старые дуры рассказывают бредни, настолько верят сами, что сомнение берет – они в своем уме или пора в дурдом сдавать как рассказчиц, так и слушательниц?

Но в то утро, если откровенно, Артем Иванович малость струхнул. Когда не знаешь, что к чему тут – в нескольких шагах от тебя, а ты один и далеко не молод, оборонительных средств не имеешь, кроме удочек, надо либо деру давать, что исключено (мужчина же, хоть и старый!), либо на помощь звать, пока не поздно.

Помощь – вот оно! Артем Иванович достал мобильник и позвонил олигарху, который сопливое детство провел в деревне. С пацанами Гошка яблоки в саду воровал, будто у бабки с дедом их не росло, а после смерти деда бегал за советами – даром, что ли? Приложив к уху кнопочный мобильник в ожидании ответа, он ворчал:

– Пусть помогает. Ишь, спит он... Давай, давай, бери трубку... Гошка, ты?.. Это дед Тема.

– Слышу, – сонно промямлил Георгий. – Что случилось?

– Тут я на рыбалку пришел...

– Ну, это я понял. Рыбалка. Угу. Не хочу на рыбалку, спасибо.

– А придется. Стонет тут кто-то, похоже, баба... Только не пойму, где она. Короче, быстро приезжай, а то не нравятся мне эти стоны.

– Стонет? Очень интересно... – Георгий сладко и громко зевнул. – Ну, пусть стонет, может, там секс практикуют, а тут старый дед топчется...

– Какой секс! – рассердился Артем Иванович. – В эту пору в постелях нежатся, а не на травке тешатся! Холодно для секса на природе. Вот! Опять!.. Опять стонет... А ну-ка, живо встал и приехал! Я у своей лодки. Конец связи.

Отключив мобильник, он двинул в сторону, откуда, как ему показалось, доносился стон. Но любая группа растительности выглядела черным пятном, ведь еще недостаточно рассвело, а луна давала лишние тени и блики на воде, отвлекая глаз. Артем Иванович присматривался не только к кустам, но и к воде – это скорее машинально, ведь в реке может плавать только утопленник, а он даже теоретически стонать не способен. Но именно в воде старикан разглядел бесформенную массу, похожую на тело. Собственно, если б тело было в темных одеждах, вряд

ли дед Тема его заметил, потому что человек лежал в камышах, это от берега метров пять, может, даже больше. И тут неважно, кто в воде – мужик или баба, нужно срочно вытаскивать.

Сняв куртку, аккуратно свернув и положив ее на берегу, дед ступил в воду, одновременно поднимая ботфорты болотных сапог выше колен – у берега-то мелко, а за камышами дно непредсказуемо. Обогнув заросли, Артем Иванович очутился в воде почти по пояс...

– Ух-хо-хо-хо... – передернул он плечами. – Холодновата водичка.

Однако, ступая осторожно, чтобы не провалиться в яму, добрался-таки до тела. Конечно, это была женщина, правда, живой она не выглядела. Обхватив руками стебли, молодая баба практически лежала ничком на подстилке из камыша, согнув его собственной тяжестью, при этом не погрузившись под воду. В этих местах камыш густой, высокий, с крепкими стеблями, он надежно держал над водой тело. Дед Тема не трус, но холодок снова по его спине пробежал уже не от ледяной воды, появилось желание рвануть подальше от утопленницы... А женщина подала слабый голос, застонав и вроде как всхлипнув.

– Тыфу ты! – обрадовался Артем Иванович. – Живая!

Обхватив девушку под грудь, он попытался оттащить ее, но она держалась за стебли камыша мертвую, пришлось сначала расцепить руки, после тащить к берегу. А тут и фары сверкнули – ехал внедорожник Георгия, медленно двигаясь по неровной колее.

– Эй!.. – закричал во всю мочь дед. – Гошка!.. Я тут! Э-эй!!!

Георгий услышал, да и увидел наверняка, он подъехал как можно ближе, к тому времени и дед Тема подобрался к берегу вместе с находкой. Было видно, как трудно ему вытаскивать женщину, Гоша выскочил из машины и поспешил на помощь с вопросом:

– Живая?

– А то! – сказал дед Тема. – Неси на заднее сиденье, а то я маленько подустал... Есть что-нибудь теплое? Ну, там куртка... или из тряпок что? Ее раздеть надо и в сухое завернуть.

Георгий взял девушку на руки и понес к машине, ответив:

– Есть, кажется, одеяло... на пикник брали.

– Пикник, хм! Живем на сплошном пикнике, а вам надо куда-то ехать!

– А вы, Артем Иванович? Вы же тоже промокли.

– Я в воде недолго был, переживу. Давай, быстрее... и печку включи!

Дед Тема сначала снял болотные сапоги и вылил из них воду, после чего забрался на заднее сиденье, куда уложили несостоявшуюся утопленницу, бросил свои сапоги на дно, а куртку на первое сиденье и стал сдирать с девушки одежду. Тем временем Георгий нашел в багажнике старое одеяло, вязаную шапочку и рукавицы, которыми он держит шампуры, когда поворачивает их над огнем.

– Помогай! – скомандовал дед Тема. – Чулки снимай!

– Я?... – потерялся Георгий.

– Ты! – зарычал дед. – Ой! Можно подумать, никогда этого не делал!

– Делал, но... по согласию и в других обстоятельствах.

– Быстрее! Она в любой момент умереть может, если не начать срочно согрывать. Ё-мое!.. – обалдел дед.

– Что такое? – отдернул руки от ног девушки Георгий.

– Она того... ранена! Гляди.

На бирюзовой нарядной блузе с синими разводами дед не сразу заметил кровавое пятно, только сняв кофточку с длинными полупрозрачными рукавами, увидел свежую рану.

– Рана от пули, – сказал Георгий, бросив взгляд на плечо девушки с белым, неестественно бледным лицом. – В нее стреляли.

– Вижу. Думаю, рана не смертельная, раз жива до сих пор. Снимай чулки, юбку, всю одежду снять надо, а потом... будет потом.

Пришлось Георгию заняться раздеванием дамы в некомфортных условиях, кстати, он подметил, что одежда на девушке очень дорогая, как и белье, и украшения. А дед Тема, сняв бюстгальтер бирюзового цвета, перевязывал рану на левом плече – вот когда оценишь наличие аптечки в автомобилях.

– Как думаете, дед Тема, она будет в восторге, когда узнает, что ее раздевали два чужих мужика? – сострил Георгий, снимая второй чулок.

– Сначала пусть выживет, – строго бросил тот.

– А трусики тоже... м... а?

– Я же сказал: все снять! – рявкнул дед, рассердившись. – Сейчас она не женщина, у нее нет возраста, это просто человек, который умирает. Я доступно объяснил некоторым?

На ступни девушки Георгий натянул рукавицы, потом помог деду закатать ее в одеяло, на голову ей надели вязаную шапочку и накрыли курткой деда Темы. После Гоша сел за руль и, разворачиваясь на крошечном пяточке, спросил:

– Куда везем русалку? В больницу?

– До города сорок три километра, и по городу ехать, ближе больниц нет... Не довезем. Ко мне давай.

– А если умрет у вас?

– Закопаем. Гони! Тут нигде вертухаев нет.

Закопаем... Наверное, дед пошутил, иной раз шутки он исторгает из серии черного юмора, это случается в самые напряженные моменты. М-да, ситуация на самом деле обозначилась неоднозначная, могла закончиться крупными проблемами с полицией, но спорить с Артемом Ивановичем бессмысленно – человек он исключительно упрямый, тоталитарного склада. Оставалось надеяться, что подстреленная утопленница все же оживет.

– Алло, Максимыч, это Артем Иванович тебя беспокоит, – говорил дед Тема в трубку, придерживая девушку за плечи, находившиеся на его коленях. – Уж прости, что разбудил, но дело срочное. Признайся честно: ты трезвый?... Хорошо. Я в реке выловил девчонку раненую, везу домой. Давай тоже ко мне, не забудь инструменты захватить и все, что из лекарств есть у тебя... Не-не, до больницы не довезем, она сильно переохладилась... Я сказал, ко мне топай! Другого врача здесь нет, и попробуй не прийти. Все, конец связи!

Марат Максимович Мухин (коротко – МММ) фельдшер, да не совсем. В молодости он работал в городе хирургом, к сорока годам пристрастился к алкоголю из-за краха семейной жизни – жена ушла к другому. К пятидесяти годам его выгнали, он продал квартиру и переселился в село, так как репутация глубоко пьющего человека пронеслась по всем медицинским учреждениям и его не брали на работу, хотя как к специалисту претензий не имели.

МММ и не думал заниматься практикой, да ведь народу нужен врач, как воздух, хотя бы первичный диагноз поставить! Стоило прознать деревенским о профессии МММ – и потянулись к нему отовсюду за лечением, а он... он просто врач, этим все сказано. И пришлось бывшему хирургу временно завязать с зеленым змием, обложиться книгами и переквалифицироваться в доктора широкого профиля: он и терапевт, и гинеколог, и кардиолог и так далее.

Сначала ему платили натурой, куда входили все товары от молока с мясом до сигарет с самогоном, но, боясь, что столь ценный кадр уйдет за длинным рублем, отправилась делегация к городскому начальству требовать ставку доктора. Дали фельдшерскую ставку, одну на все четыре деревни и село, а это кот наплакал и то одним глазом, тогда главы деревенских администраций наскребли дополнительные деньги. Теперь у МММ есть еще и медсестра, он уважаемый всеми человек, ну, имеет один грешок – попивает иногда, а кто у нас без греха?

Георгий внес девушку в дом, а дед Тема кинулся к котлу запустить отопление, которое на днях отключил из экономии газа. Подстреленную утопленницу уложили в дальней комнате – там теплее и светлее, а всего комнат четыре, считай, барская усадьба, – к этому времени МММ пожаловал. Выглядел он на все семьдесят, а стукнуло ему всего-то шестьдесят один, наверно,

лишний возраст придает сухая стать – его словно из склепа достали, где пролежал лет сто. Первое, что сделал МММ, – измерил температуру тела и осмотрел рану, по выражению лица стало понятно, что дела плохи, о чем и сказал:

– Гипотермия, осложненная пребыванием в холодной воде и потерей крови. Но вы оба достойны похвал, правильно оказали первую помощь.

– А что означает гипо... – интересовало деда Тему.

– Переохлаждение. Полагаю, в воде она находилась недолго до того, как ты, Иваныч, нашел ее. Переохлаждение, вызванное холодной водой, так и называется – холодовая травма, что означает реактивный удар по организму. Длительное пребывание в воде ведет к летальному исходу довольно быстро, к тому же ранение... Правда, относится к легким, но потеря крови...

– Хватит рассуждать! – осадил его дед Тема грубо. – Дело делай!

– Спирт есть? У меня медицинский и всего пузырек. – Заметив, как у хозяина дома подозрительно прищурились глаза, МММ заверил: – Не мне, не мне. Ей.

– Самогон есть: три перегонки, под 80 градусов. Пойдет?

– Неси. – Доктор снова склонился к девушке, прощупал пульс. – Слабоват пульс. По правде говоря, не знаю, что и делать, у меня это первый подобный случай. «Скорую» вызвать? Пока приедут... если приедут! Сколько имеем эпизодов, когда не едут к нам! Жалоб я накатал целый том, реакция на них нулевая. А платная выставит такой счет...

– Не-не! – запротестовал вернувшийся с бутылкой самодельного «спирта» дед Тема. – Когда в человека, пусть женщину, стреляют и каким-то образом она оказывается в реке, кстати, не ограбленная – побрякушки-то на ней, тут пахнет заказным убийством. Я, конечно, могу ошибаться, но просто так не стреляют. Тем более в женщину... э... девушку. Глянь, она ж соплячка совсем. Если отвезем в больницу, ее фото покажут по телику ради опознания и...

– ...последствия могут быть для нее тяжелые, – закончил молчавший все это время Георгий. – Думаю, она выжила не для того, чтобы снова умереть.

– И то правда, – подхватил дед Тема. – Я ведь не собирался на рыбалку, а вчера вечером вышел – тишь стоит, погода шепчет: а не пойти ли тебе, дед, на реку? И пошел. Судьба погнала, ее судьба. Очнется, сама решит, что ей делать. Так что спасай, Марат Максимович, ты у нас гений, сможешь.

Ни слова не говоря, МММ измерил давление девушке, которая начала метаться и отбрасывать одеяло, обрадовав своего спасителя:

– Видно, согрелась...

– Нет, Иваныч, пока тепло ей не помогает, – вздохнул МММ, потирая щетину на впалых щеках. – Это обратный эффект при серьезном переохлаждении, когда пострадавшему чудится, что тело охватывает жар. Эх, подведешь ты меня под монастырь... да выбора не осталось. Ладно, риск благородное дело, помрет – сядем вместе?

– В одну камеру попросимся, веселее будет вдвоем-то.

– Кто ассистировать согласен?

– А че делать надо? – с готовностью спросил дед Тема.

– Все, что скажу. Георгий, поезжай в медпункт, привези все препараты, да и все, что лежит на полках, выборочно все равно не сможешь собрать. Только аккуратно! Ключи держи. Давай, давай, жми...

– А самогон? – напомнил дед Тема. – В рот ей влить?

– Не вздумай! Это просто замерзший может выпить для самоуспокоения, при гипотермии спиртное только забирает тепло, а не согревает. Разотри ступни и кисти рук, надень шерстяные носки. Потом сделай теплого чая, вот его и вольешь ложечкой в рот, повторяю: теплого, а не горячего!

– В термосе есть такой чай...

– Пойдет, только остуди. А я подготовлюсь к операции. Нужно пулю извлечь и зашить, иначе кровью истечет, да и заражение получить не проблема – стрелявший в девчонку мерзавец пулю не продезинфицировал, я полагаю. После первичных, но необходимых мер будем повышать температуру тела.

Георгий успел вовремя, доктор уже приготовился к операции, попросил его держать девушку, прижав к телу ее руки, ведь привязать раненую не к чему.

– Сейчас не найдешь нормальной кровати с панцирной сеткой, – сетовал МММ, обкалывая рану. – Одни диваны у всех. А на панцирной сетке спать удобней и полезней, я лично против твердых спальных мест... Так, начнем.

– А общий наркоз не лучше? – робко поинтересовался Георгий.

– Хе-хе! – хохотнул док. – И где я тебе возьму этот самый наркоз, советчик? В моем арсенале лишь местная анестезия, кстати, купленная на мои средства. Да и нужен ли общий наркоз – вопрос! Я ж не спец по переохлаждениям.

– Максимыч, теперь снабжение вашей микроклиники обезболивающими средствами беру на себя, – пообещал Георгий.

– Иваныч, ты свидетель! – поймал его на слове МММ. – И еще снабди одноразовыми шприцами, противовоспалительными препаратами, пакетами перевязочными и... э... я составлю список! Итак, друзья... Иваныч, сними колечки-сережки-цепочки, не положено и пораниться может.

Пулю, застрявшую в кости, он вынул в два счета – добровольные помощники ахнуть не успели! А вот рану зашивал скрупулезно, считая, что главное для девушки – эстетика. Наложив на рану повязку, доктор сделал еще укол, пояснив дилетантам, которые с сомнением на физиономиях переглядывались:

– Это противовоспалительная инъекция. Ну, ребята, теперь самое сложное – поднять температуру тела. Иваныч, попробуй поить ее тепленьким чайком...

– Пробовал! Проливается...

– Ничего, внутрь тоже попадает.

А доктор приступил к массажу – очень осторожно поглаживая части тела девушки, затем накрывая их одеялами, после открывая другую часть и снова осторожно поглаживая. Объяснял он свои ленивые действия тем, что переохлажденное тело нельзя массировать привычными движениями, только легкие растирания способствуют теплообразованию. Но температура, которую доктор измерял через каждые пять минут, если и поднималась, то на долю градуса, а в основном держалась на одном уровне.

– Эх, ванну бы теплую... – расстроился Марат Максимович, в очередной раз глядя на градусник. – Но здесь только душ – не подходит.

– У меня дома есть, – сказал Георгий.

– Перемещать ее нельзя даже с места на место, любое движение сейчас, когда тело уже в тепле, вызовет адскую боль и, главное, способно нарушить работу сердца и привести к летальному исходу. А уж выносить на улицу, опять на холод – ни в коем случае. Ой, ой, ой... Худо, друзья мои, еще пару часов и... можно будет вызывать гробовщика.

– Неужели все перепробовал? – вскипел дед Тема.

– В наших условиях, кажется... – задумался доктор и вдруг встрепенулся: – Гоша, долой одежду!

– Зачем? – набычился тот.

– Ванной поработаешь. Нужно всем телом прижаться к ее телу, человеческое тепло очень хорошо согревает, притом не приносит негативных воздействий. Этот способ известен с древности. Раздевайся!

– Подождите! – в знак протеста поднял руки Георгий. – Короче, я должен голым лежать в постели с совершенно незнакомой мне девицей?

– А ты в трусах ложись, – посоветовал дед Тема.

– Вообще-то у меня жена есть! Она ревнивая...

– Не узнает твоя Леся, – заверил доктор. – Ты за кого нас с Темой принимаешь? За сплетников или доносчиков?

– Есть же грелки, – нашелся Георгий. – Не хватит, могу принести.

– Обязательно и грелками обложим, но когда повысится температура. Сейчас общее тепло нужно, на все тело, и весьма щадящее.

– Так сами и ложитесь, – посоветовал Гоша. – Вдвоем. С двух сторон. Будет классно.

– Пойми, чудак, – увещевал его доктор, – мы с Иванычем не можем согреть ее! По всем законам биоэнергетики старики способны только забирать чужую энергию, тем самым подпитывая свое дряхлеющее тело, потому как старые, костлявые, малокровные. А ты у нас парень здоровый, откормленный, кровь с молоком и молоко с кровью, горячий...

Видя, что Гоша тупо стоит на месте, водрузив на пояс руки, и недовольно пыхтит, МММ махнул рукой и уселся на стул рядом с диваном. Поглядывая время от времени на Георгия с осуждением, он сердито заворчал:

– Ну, не хочешь – не ложись, черт с тобой. Будем ждать, что будет: сможет она вернуть свое тело к жизни или к летальности придет. В конце концов, кто она нам? Никто. Полиции тебя, Гошка, не выдадим, не переживай. Мы люди благородные, скажем, сами нашли, сами принесли, сами помощь оказывали, а утопленница не выжила... Найдем, что сказать.

– А если нас видели соседи? – перебил дед Тема. – Как мы приехали, как Гошка вносил девчонку, как и ты, Максимыч, пришел со своим чемоданом, а? Нет, мы, конечно, можем ее тайком в одеяло завернуть и закопать...

– А как народ увидит? – напомнил МММ. – И нельзя тайком, она же не собака! Человек. Так что вызовем полицию с милицией...

И устались провокаторы-шантажисты глазами, полными святости, на Георгия, мол, что в этом случае нам врать? Тот постоял с минуту, хмурясь, и стал раздеваться, бросая на обоих колкие взгляды. Лег Георгий к стене и выполнял инструкции доктора:

– Поверни ее к себе спиной на бочок, чтобы согреваемая площадь была больше... Тихонько поворачивай, видишь – стонет, ей больно, но это хорошо, значит, согревается. Руки просунь под ее руками и обними, ладони положи на грудь и под грудь. Легкие – источник тепла в организме, это знали китайцы раньше, чем придумали порох и фарфор, легким нужно помочь. В их медицине есть орган – тройной обогреватель, первый верхний – это полость с легкими. Но представьте, друзья мои, только в наше время было доказано опытным путем, когда наблюдали за любителями купаться в проруби, что легкие, согласно теории китайских эскулапов, восполняют в организме потерю тепла! Каково, а? Поэтому человеческие моржи не замерзают до смерти. Но остались еще два неизученных обогревателя, расположенные ниже...

Вот любитель поговорить! А уж если выпьет – туши свет, не остановишь. Тут главное, не задать ни одного вопроса, ибо ответ будет длиться по меньшей мере час. Эту его особенность знали все, включая Георгия и деда Тему, который строго бросил говоруну:

– Что еще нужно сделать, чтобы ускорить процесс обогрева?

– Пах согреть, – радостно вспомнил доктор, ударив ладонью о ладонь.

– Мне что, щупать ее? – огрызнулся Георгий.

– Шу... – поморщился док, не закончив слово. – Ногу согни и уложи между ее бедер, чтобы твое бедро касалось паха... Да, да, именно так. Все. Нет, не все. Накрой-ка их, Иваныч, еще одним одеялом.

Георгия и девушку укрыли по шею дополнительными верблюжьими одеялами, старыми, потому двумя, потом снова растерли ей ступни спиртом и надели шерстяные носки, ну и поили чайной ложечкой теплым чаем, подложив под подбородок полотенце. При первых слабых успе-

хах Марат Максимович воодушевился, но полностью удовлетворен не был, так как восстановление шло слишком медленно...

– Пора сделать звонок другу! – поднял он указательный палец и достал мобильник.

– И кто у тебя друг? – заинтересовался дед Тема.

– Не друг, а так... коллега. Знахарке бабе Ксене звоню.

– Ха-ха-ха... – издал Георгий квохтанье или издевательский смех. – Образованный доктор и знахарка с восемью классами грамотности устроят сейчас консилиум! Анекдот.

МММ не обратил внимания на выпад, он спросил у бабы Ксении, какими средствами располагает народная медицина в подобных случаях, выслушав, поделился новыми знаниями:

– Надо давать куриный бульон и молоко, все теплое. Обещала принести какое-то особое вино с каким-то там жиром и пошептать.

– Когда она собралась сюда? – испугался Георгий. – Придет и увидит меня вот так, да? В постели с... Даже не знаю, как ее зовут!

– Лежи, – индифферентно махнул рукой доктор, забросив ногу на ногу. – Пока Ксюха соберется, наша утопленница очнется. Я заслужил пятьдесят грамм?

– Вот когда очнется, тогда и выпьем, – остудил его дед Тема. – Я тоже хочу разгрузить нервную систему, но терплю. И ты терпи.

Усилия были не напрасны, через несколько часов температура поднялась до 35 градусов, это была победа, которую стоило отметить! Только дед Тема и МММ подняли рюмки, а тут – здарсьте: баба Ксения притопала. Услышав ее противный высокий голос, Георгий подлетел с кровати, как ошпаренный кипятком, схватил в охапку свои вещи и ринулся в соседнюю комнату.

Баба Ксения, которой тоже под семьдесят, довольно веселая и шустрая, несмотря на полноту. Она красила волосы в цвет стали, чтобы не отталкивать людей неопрятной сединой, не забывала помадой пройтись по губам, одевалась, как все деревенские, в вещи с городского рынка. Конечно, знахарка с видом знатока сразу подошла к дивану, поинтересовалась, что да как, ей кое-что рассказали, кое-что утаили (активное участие олигарха, к примеру).

– Ты глянь, рыжая какая! – изумилась баба Ксения. – Прямо как твоя покойная жена, Тема. А кто она тебе?

Тут-то он и призадумался – как же ему представлять девушку, чтобы не навредить ни ей, ни себе? Если б не рана от пули, поведал бы правду, мало ли – девушка гуляла на вечеринке, нечаянно упала в воду, никто не заметил. Но в нее стреляли. Стреляли и не ограбили. А в рану Ксюха обязательно сунет курносый нос, или это будет не она. Вот и ляпнул:

– Моя внучка.

– Внучка?! – всплеснула баба Ксения руками. – А чего ж никто не знает про твою внучку?

– Сын сам не знал, что у него растет дочь, – упоительно врал дед Тема, для куража опрокинул рюмку, крикнул и продолжил: – И я не знал, но внучка нашла меня, списалась со мной и вот... решила приехать. Сама видишь – рыжая, в нашу породу. М-да... А на нее напали, ограбили, сволочи! И кинули в воду. Мы с Максимычем немножко опоздали, у нас же нет машины. Она доехала до...

– До Ушек, – подсказал док, успевший осушить пару рюмок за время диалога друга и старухи. – На попутке. А дальше пешком.

– Да! – кивнул головой дед Тема. – Она звонила. Потом перестала. Мы ее искали-искали... нашли в воде у моста... м... под мостом.

– Так она у вас в воде пролежала?! – округлила малюсенькие глазки бабка. – Надо было телом к телу греть! Марат вроде доктор, а не знает?

– Ну, полезай под одеяло, – указал ладонью Максимыч, приговаривая еще рюмку. – Ты у нас свежак, согреешь девочку.

– Какой свежак? На что намекаешь? – озадачилась та.

– Он намекает, что мы тощие, а ты... с жировой прослойкой.

Артем Иванович обвел руками вокруг своих бедер, обозначая толщину талии бабы Ксении, та презрительно фыркнула и захолопотала над телом девушки. А советов надавала... Доктор слушал с бесстрастной физиономией и кивал, а после ее ухода (выпроводить было старую нелегко) отменил почти все рекомендации, но ведь и принял некоторые.

Очнулась подопечная вечером, у бедняжки не было сил испугаться, тем не менее зрачки ее излучали недоумение, что ли. Обведя глазами комнату, она выговорила чуть слышно, когда дед Тема склонился над ней:

– Вы кто?

– Я? Да никто... так... случайный дед. Артем Иванович меня зовут. Выловил тебя на рассвете в реке, когда на рыбалку пришел, к себе в дом привез. Мы тут тебя еле отходили... Пулю вынул наш местный доктор, вот она... (Дед Тема положил пулю на блюдце с таблетками.) На память наш доктор оставил. А ты кто?

Неожиданная реакция – она заплакала. Дед Тема подумал, от радости, ведь живой осталась – от такого счастья плакать неделю будешь без перерыва. Посмеиваясь, он вытирал ей слезы большими пальцами, ласково приговаривая:

– Не плачь, все позади. Поправишься и поскачешь домой. Зовут как тебя? Надо ж родным сообщить, а то волнуются...

Она прикрыла веки и молчала, изредка всхлипывая, дед Тема решил, что подопечная устала, поправил одеяла и предложил ей на выбор: чай, бульон, молоко. Промолчала. Значит, не хотела. Ночью он вставал и проверял – жива ли девчонка, не понизилась ли у нее температура, она держалась на одном уровне – 37, а к утру повысилась, так началась ангина, осложненная бронхитом.

Главное в этой загадочной истории – девчонка не помнила ни своего имени, ни где жила, ни почему в ее плече застряла пуля и, конечно, как очутилась в реке. Время прошло, выздоровела, да так ничего про себя и не вспомнила. Доктор Марат Максимович лечил всеми известными ему средствами, а то, что больная не помнила прошлую жизнь, его не удивляло:

– Ай, неважно, что нет ушиба головы, при котором в крайне редких случаях наступает амнезия. Психологическое перенапряжение и, как следствие, нервный срыв приводят даже к смерти! Не люблю слово «стресс», оно слишком поверхностное, не дает и приблизительной картины состояния человека.

– А почему она про свою жизнь забыла, а знания про все, что окружает, у нее сохранились? – любопытствовал дед Тема.

– Мозг – самый неизученный орган, мы знаем, как он устроен, но понятия не имеем, как он работает. Мозг – как живое существо, в нашем теле он контролирует все процессы и по каким-то своим законам блокирует их. Нужно время.

И что было делать? Не выгонять же на улицу беспомощную девчонку, которая не знает, откуда она, как ее зовут, кому из родных сообщить о ней! К тому же Артема Ивановича распирало от значимости собственного поступка – ведь по факту он спас девушку, это очень приятно, она стала чуть ли не родной! Пришлось приобщить ее к своему вранью, другого выхода он не видел:

– Значит, так. Раз не помнишь, кто ты и откуда, останешься у меня. Я тут всем говорю, будто ты внучка моя, ну, чтоб никто не лез с расспросами, поняла? Без того с нашим участковым пришлось объясняться, слава богу, туповатый он и ленивый. Тебе тоже так надо говорить, поняла? Расскажу про сына... то есть отца твоего, это, надеюсь, ты запомнишь.

– А где ваш сын?

– Погиб. Давно. На рыболовецком судне работал, судно потонуло, он вместе с ним, между прочим, в северных водах. Да, и запомни: раз я тебе дед, говори мне «ты». Каким же именем назвать-то тебя, а?

И нашли выход: дед Тема взял в библиотеке справочник, дома надел очки, читал подопечной, чтобы она сама выбрала. Ей понравилось имя Ира, а дед Тема стал называть ее Иришей, потому что оказалась она очень теплой, милой, доброй, заботливой. Дом деда преобразился, стал уютным.

Позже, когда она окончательно поправилась и стала просто красавицей, задумалась о работе, тогда-то Георгий и предложил ей влиться в деревенскую среду – работать у него... нет, не в коровнике. Сначала она помогала ему в качестве секретаря, перебирала бумажки, составляла письма, организовывала встречи и приемы гостей, главное – взяла на себя тяжелый крест вести переговоры с проверяющими органами. Ух, как «любил» их Георгий! От любви убегал, бросая на Ирину «дорогих гостей», а вот она умела с ними договариваться – просто поразительно.

Оценив способности Ириши, он предложил ей расширить полномочия, включившись в управление. Георгий потихоньку тоже расширялся, а это и строительство, и текущие заботы, и самообразование, ведь земля не любит дилетантов; помощник ему был необходим. Ириша согласилась с единственным условием: за пределы деревень она ни ногой. Странно, да? Доктор МММ сказал, это фобия – боязнь покинуть место, где больной спокойно, уютно, надежно.

– Подсознание! – поднял он указательный палец вверх со знанием дела. – Оно защищает жизнь Иришки. Пройдет когда-нибудь...

* * *

Во время долгой паузы под шумок дождя за окном так и вспомнили оба историю появления Ириши в их жизни. Правда, история с одними белыми пятнами в ее прошлом, а в настоящем – к ней привыкли, будто она здесь с рождения росла.

Георгию понадобилась довольно большая пауза, чтобы проанализировать нынешнюю ситуацию, обрисованную скупыми фразами деда Темы, но репортажа по телевизору он не видел, отсюда с трудом верил в идеальное сходство убитой в пятницу женщины с Ириной. Тем более она сама утверждала, что сестры-близняшки у нее никогда не было.

– А вдруг ошибается насчет сестры? – высказал он мысль вслух. – Историй с близнецами много...

– Где? В кино? – ухмыльнулся дед Тема.

– Да и в жизни бывает, я думаю. Редко, конечно. Тогда эта самая сестра заказала Ирину и заняла ее место рядом с му...

Он замолчал, так как поймал на себе выразительный взгляд деда Темы поверх очков, одну дужку которых заменяла обычная резинка. Значит, старикан не все рассказал, что тот и подтвердил:

– Папа Ириши был военным доктором и служил на дальних рубежах. На момент ее рождения он с беременной женой долго не мог выехать в центр страны, ну, время тогда было... не приведи бог. И все же они выехали, а по дороге начались роды, да прямо в поезде. Отец Ириши помог ей родиться, думаешь, вторую дочь он не заметил? Хе-хе.

– В таком случае, история совсем скользкая и... и абсолютно непонятная, – сделал вывод Георгий. – Но теперь мне более-менее ясно, почему Ирина как пружина, сжатая до упора, где-то витает, присутствуя – отсутствует. Выходит, Артем Иванович, эта Ирма, которую застрелили в пятницу, возникла откуда-то со стороны и выдавала себя за Ирину? А как такое возможно?

– Да черт его знает, – поднял плечи дед Тема, опустив уголки губ вниз. – Я тебе доложил, что сам знаю, в сходство один к одному тоже не верю, но видел ту, вторую, собственными глазами вон на этом телике.

– Значит, мы правильно сделали, что не отвезли ее в больницу два с половиной года назад и не вызвали полицию, а я долго сомневался.

– Дверь закрой! – бросил дед Артем, надевая телогрейку. – Холод идет в комнату, чай не лето.

– М-да, не лето, – согласился с ним Георгий, поглаживая небритый подбородок и одновременно заглядывая в прихожую, то бишь в сени. Ирина велела называть сени прихожей, хотя сенями они так и остались. – Ой, дверь плохо закрыл, распахнулась!

Входная дверь нараспашку, двор поливает дождь, срывая оранжевую листву, отсюда и заполз в дом холод. Только Георгий взялся за дверную ручку – открылась деревянная калитка, он подождал, когда Ириша добежит до крыльца под козырьком. Конечно, она удивилась, сняв шелковую косынку и стряхивая с нее воду, запаниковала:

– Георгий? Вы здесь? Что-то случилось? – Внезапно ее глаза стали как две галогеновые лампы, сверкнувшие ужасом. – С дедом!

Оттолкнув его, она влетела в дом, резиновые сапоги сбросила с ног на бегу и рванула в комнату, не слыша Георгия:

– Ира, с ним все хоро...

Усмехнувшись, он захлопнул дверь и прошел в комнату, остановившись там же, где стоял раньше. Ириша к тому времени находилась перед дедом на коленях, прощупывая пульс на его руке, тот, ничего не понимая, растерянно бормотал:

– Ты чего?.. Как сорвалась...

– Пожалуйста, помолчи... – попросила она, сосчитала пульс, не отрывая глаз от командирских часов на руке, которыми ее снабдил дед. – Хм, пульс нормальный... Давление мерял?

– Чем? – поднял плечи дед Артем. – У тонометра груша в трещинах...

– Я сбегая к тете Тоне, у нее продвинутый тонометр...

Ириша вскочила на ноги, но дед рявкнул вполне здоровым голосом:

– Стой! А с чего ты взяла, что мне нужен тонометр?

– Давление измерить, – теперь потерялась Ириша.

– Мое давление лучше твоего.

– Это я напугал ее, – подал голос Георгий, ухмыляясь. – Ирина меня увидела и понеслась сюда, думая, что вам плохо. Я вызываю у нее только сигнал тревоги.

В какой-то степени – да, вызывает. Пару раз Ириша отлучалась, а деду становилось плохо, чтобы не помереть в одиночестве, он звонил Георгию, который живет неподалеку, к тому же машину имеет – вдруг пришлось бы ехать в больницу. Олигарх успевал смотаться на другой конец деревни и привезти доктора МММ, но тут Ириша возвращалась, а она мастер паники.

– Значит, все нормально? – поднимаясь с колен, смущенно произнесла она. – Тогда давайте обедать?

– И меня приглашаешь? – спросил Георгий, провокационно улыбаясь.

– Конечно. Вы садитесь, оба садитесь, а я накрою на стол.

Ели вчерашний суп, жареную рыбу в томатном соусе с овощами и пирог с чаем, притом хозяйка извинилась за некрасивую выпечку – немножко не то получилось, тем не менее проглотили почти весь. Георгий пошел заводить мотор, а дед Тема, усаживаясь на свою рабочую табуретку, позвал Иришу:

– Иди сюда! – Когда она подошла, заговорил на всякий случай тихонько, чтобы Гоша не услышал: – Вот скажи, ты чего нос воротишь от Гошки? Ходит вокруг тебя, ходит, а ты будто не видишь. Чем он тебе не глянется?

– Ну, во-первых, он ничего не говорил насчет хождений...

– Да у тебя же вид: не подходи – укушу! Что во-вторых?

– Он женат, дедушка.

– Пф! И где ж эта самая жена? Она в городе, как поругалась еще с бабкой Гошки, с тех пор носу не кажет в деревню, но за провиантом присылает раз в месяц подружку. А он здесь пашет, детей нет – это что за семья? Промежду прочим, Георгий городской, а не какой-то там...

Не сложилось у него в городе, приехал к деду с бабкой, а дед к тому времени болел – сердце. Человек всю жизнь при должности был: председателем колхоза, потом главой администрации, потом главой нашего села и деревень, а также фермером одновременно. Пахал лишь бы сохранить хозяйства, от рэкета отбивался – какое ж сердце выдержит! Это не языком трепать. Гошка с перепугу, что дед умрет, взял бразды правления в свои руки, деду дал отдохнуть от дел и пожить подольше. А ведь ни черта не умел, но хотел, очень хотел. Дед помер шесть лет тому назад, одна бабка осталась и... жена, которая где-то шляется, а не с мужем живет, детей рожает и растит. Ну, сама знаешь, он стоящий мужик.

О боже, сколько раз она слышала эту историю! Правда, сводничеством дед Тема не занимался до сегодняшнего дня, Ирина, улыбнувшись, напомнила ему:

– Вообще-то у меня, как выяснилось, тоже муж есть.

– Да? И где он? Где, где? Что-то не вижу. И почему ты при живом муже очутилась в холодной воде с простреленным плечом? Не помнишь?.. Часть вспомнила, а часть нет? Так я тебя введу в курс дела: раз тебя заменила другая, она, стало быть, и устранила тебя. Но мне вот сильно интересно... – Он назидательно поднял вверх указательный палец. – Как твой муж не понял, что в кровать ложится с чужой бабой, а? Не думала об этом? А ты подумай. Но сначала иди и отбей Гошку, уж он точно отличит чужую бабу от своей, к тому ж отбиться будет рад, насколько я понимаю в нашей мужской породе. Ступай.

Ирина забралась в салон внедорожника, стряхнула зонт и, сложив его, поставила у ног, чтобы вода стекала на пол.

– Что так долго? – спросил Георгий, трогая джип с места.

– Дед Тема указания давал, он же у нас командир.

Только на уме у нее сейчас не указания деда, а совсем другое...

3

Не бывает ничего тайного, о чем не узнают другие

Стыдно признаться даже себе, но внутри Виктории все пело – каждая клеточка, даже кровь отзывалась на состояние, походившее на азбучную радость. А что вызвало радость? Соперница! Она мертва. Неважно – как умерла, главное, ее нет. Соперница, привязавшая ЕГО своей никчемностью, глупостью, пошлостью, эпатажем, перестала быть препятствием. Безусловно, Вика понимала: это так негуманно с ее стороны – ощущать счастье и радость на фоне смерти! Да как заставить мозг и сердце думать иначе?

Чего греха таить, не раз Виктория тайком оплакивала свою долю – любить человека, который из-за дурацкой ответственности и излишнего чистоплюйства не бросал свою ненормальную жену, терпел ее выходки и не раз находился в центре позорища из-за нее. Но теперь Даниил свободен и...

И тут голову снова охватывал огонь вины, потому что нехорошо беду оборачивать в свою пользу. Когда эти мысли, сменяя друг друга, простреливали мозг, Вика физически задыхалась от нехватки кислорода и жара в теле. Видимо, ее состояние становилось заметным, во всяком случае коллега Нонна, подойдя к ней и склонившись, прошептала на ухо:

- Что с тобой? Ты вся пылаешь, красная, будто тебя сварили.
- Я? – вскинулась та. – Просто... жарко...
- От счастья? – скептически произнесла Нонна.
- От какого счастья? – вытаращила глаза Вика, повернувшись к ней.
- Идем-ка, дорогая, кофейку хлебнем.

Как под гипнозом, Вика поднялась с места, не спуская настороженных глаз с Нонны, и последовала за ней с неоправданной обреченностью. А, собственно, что произошло? Что ее насторожило, если не напугало? Все табунами бегает к кулеру и кофемашине в течение рабочего дня, так что в предложении выпить кофе нет ничего особенного. Но интонация! Как будто Нонне известно про нее такое, что не при людях сказать. Под воздействием этой многозначительной интонации Виктория и поплелась, словно ее пристукнули небольшой дубинкой.

Кофе налили в коридоре в свои чашки, а пить пошли на лестничную клетку, так как Нонна любила еще и покурить, запивая едкий дым черным напитком. Вика поставила керамическую чашку на низенький подоконник огромного окна и, скрестив на груди руки, выжидающе уставилась на коллегу.

Девушки общались, обычно избегая опасных тем: о начальстве, коллегах, работе, о личном тоже ни-ни. Все равно их можно назвать приятельницами, ведь обе явно симпатизировали друг другу. Тем более Вику удивила интонация, а также звонок Нонны в день убийства жены Даниила, мол, репортаж посмотри по телику, тебя касается. Что значит – «тебя касается»? Вика всем своим видом показывала, что готова выслушать, зачем привела ее Нонна в безлюдный уголок, ведь та явно хочет что-то сообщить или обсудить. Словно не видя нетерпения Виктории, Нонна не спеша отпила пару глотков, прикурила от зажигалки, и только выпустив струю дыма вверх, затем пристально глянув на нее, спросила:

- Репортаж с места убийства смотрела?
- Ты ведь сама позвонила мне... – сказала Вика.
- Но ты могла не посмотреть.

Во фразах Нонны таился какой-то зловещий интерес, непонятно на чем основанный, в конце концов, она не главная сплетница, не журналистка – какое дело ей до смерти жены шефа? Но именно этот факт вызвал беспокойство у Вики: раньше они болтали лишь на отвлеченные темы (ни слова о работе – заповедь по умолчанию), иногда бегали по магазинам, раз в неделю

ходили в фитнес-клуб и... пожалуй, все. А тут вдруг она хочет обсудить щекотливую тему, да где! В офисе, в котором у стен, окон, люстр и полов есть уши.

Нонна старше на шесть лет, привлекательной ее назвать можно с натяжкой – черты лица крупные и негармоничные, фигура откликнулась на любовь к сладостям, но умение одеваться, а также уверенно держаться добавляли ей недостающие очки и – вуалья, поклонников толпа обеспечена. Она побывала замужем, могла бы и сейчас выйти, да пока не торопится, говорит, успеет. М-да, успеет... Почему-то Нонна уверена: нет ничего проще, чем выйти замуж, а Виктория при всей своей красоте и страстном желании надеть подвенечное платье чувствовала себя замухрышкой по сравнению с ней и не способной увести мужика у патологической идиотки.

Выкурив почти до половины сигарету и поглядывая на ершистую коллегу, словно раздумывая, стоит ли с ней говорить или лучше оставить в состоянии обмана, Нонна все-таки вернулась к животрепещущей теме:

– Не надо сердиться, поверь, зла я тебе не желаю. Ты очень славная, из нашего офисного серпентария мне симпатична только ты, есть в тебе искра... порядочности, доброты, искренности, что ли. Поэтому хочу предостеречь тебя...

– Предостеречь? – дернулась Вика. – В каком смысле?

– В прямом. Минуту назад ты светишься счастьем, немножко несвоевременно в данных обстоятельствах, не находишь?

– Почему не говоришь прямо, раз уж завела этот разговор? А то я ничего не понимаю: при чем тут мой счастливый вид?

– Н-да... – покачала головой Нонна, ее обычной шутливости, за которой она прятала себя настоящую, как не бывало. – Поистине у влюбленной женщины разум автоматически вышибает, вот уж чего я не хотела бы пожелать себе. Значит, намеков не понимаешь. Тогда слушай. Думаешь, никто не знает о ваших с Шубиным отношениях? Все!

– Отно... Что значит – все?... – залепетала Вика, чувствуя, как слабеют колени. – Что именно знают эти... все?

– Что ты спишь с шефом, – огрела ее Нонна.

У Виктории во рту пересохло, голова закружилась от беспорядочных мыслей: как же так, откуда прознали? А что Даниил скажет теперь и как ей оправдаться? Понадобилась опора, ибо ноги подкосились в прямом смысле, слава богу, подоконник низкий, иначе Виктория очутилась бы на полу. Она присела на край, а Нонна наклонилась к ней, поставив одну ладонь на стену выше головы, и продолжала свистящим шепотом:

– О-о-о... Вижу, как сильно ты заблуждалась. Да, да! Знают все и моют вам кости, причем давно, вы – главный тренд в нашем серпентарии. И, конечно, местные бабеты завидуют тебе со страшной силой, естественно, ненавидят, готовы тебя в асфальт закатать живьем. И вдруг! В жену Шубина стреляют! Обалдеть. А тут ты являешься вся из света и сияния. Понимаешь, как смотришься в глазах сволочного коллектива? Ты радуешься убийству соперницы.

– Фу, какая чушь... – вымолвила Виктория, опустив ресницы и потирая вспотевший лоб. Но как они правы! – Это же... не так.

Допивая кофе, Нонна присела рядом с ней – жалкой, несчастной, убитой той же пулей, которая врезалась в сердце психопатки Шубиной. В данных обстоятельствах лучше открыть все карты, а не выбрасывать их по одной с иезуитской жестокостью.

– Это не все, Вика. – Та повернула к ней свое бледное испуганное личико с немим вопросом в глазах. – Знаешь, что сказала Ева, когда ты пришла сегодня на работу? «Судя по счастливой мордашке, напрашиваются ужасные мысли: не она ли заказала бедняжку Ирму?» То есть имела в виду тебя.

– Ме... меня? Но... ты же... ты так не... не думаешь? – спотыкалась на каждом слове бедняжка Виктория.

– Я – нет. Да и бабетты так не думают, включая стерву Еву, уверяю тебя. Они же не дуры. Но! Следователю будут говорить то, что сказала эта злая сучка.

– Почему?! Что я им сделала?

– Забралась в постель Шубина и слишком долго там лежишь – вот что сделала. Между прочим, до тебя Ева спала с ним.

– Ева?! С ним?!

– Не знала? Видишь ли, Викуля, иногда полезно в родном коллективе перекинуться парой слов о том о сем, а не с головой закапываться в работу. Это случилось давно, нас всех тут близко еще не было. А мне по секрету рассказала бывшая здешняя уборщица, я давно с ней знакома, она же посоветовала мне сюда сунуться, когда объявили новый набор.

– И мне родственница посоветовала... – вздохнула Вика, словно очень сожалела, что попала сюда.

– Однако контингент в офисе поменялся, а суть осталась прежняя, вот такая странность. Или закономерность – сюда сползаются только особи из отряда гадов. Но я отвлеклась! Ева тоже, как ты, думала, что никто об этом не знает, однако в нашем серпентарии утаить адюльтер, на который рассчитывали местные гадюки, невозможно. И, ах, какая жалость – в один прекрасный день шеф перестал на нее рефлексировать, Ева накатала заявление и ушла, думала, Шубин кинется за ней. Потом много воды утекло, появилась ты, а потом вернулась Ева – когда жена шефа открыла свою гнилую сторону, видимо, с прицелом вернулась, чтобы окольцевать Шубина.

– Теперь понятно, почему Ева такая недружелюбная.

– Недружелюбная?! Ха! Она ненавидит тебя, ведь ты отняла надежду переселиться в милый особнячок, стать его хозяйкой, попасть в элиту, получить статус светской львицы. Проще – ты отбила у нее мужика! За это травят ядом, расчлениют, режут и топят. Ева залезла под корягу и затаилась, ждет, когда можно будет нанести смертельный удар тебе.

– Я не знала.

– А если б знала, уступила бы? (Вместо ответа Вика опустила глаза.) Так... – Нонна откинула корпус и оценивающе посмотрела на Викторию. – Прекрасно! Выглядишь несчастной, удрученной и... глупой. Глупость смени на более умное выражение, ты все же экономист, для них характерна сдержанность и непроницаемость.

– Как сменить? – всхлипнула Вика. – Я не умею...

– Не реви, а то и я разревусь. К тому же в слезах ты вдвойне глупее, слабость нельзя показывать. Идем, по дороге приобретешь надлежащий вид. И будь, пожалуйста, внимательна к себе.

– Как это?

– Не давай повода к злословию и клевете, следи за мимикой, будь холодной хотя бы внешне, а волю попереживаешь дома, когда никого не будет рядом.

Виктория вскочила с подоконника под строгим взглядом Нонны, которая снова недовольно покачала головой, тем самым напомним: контроль, контроль! Разумеется, импульсивность нужно взять под контроль. К счастью, усилия коллеги не пропали даром: Виктория весь день была собранна, закрыта, подчеркнуто вежлива, сосредоточена на работе. Это не все.

Теперь она стала многое замечать, так появился повод пожалеть, что классические кабинеты с каменными стенами, дающие защиту от любопытных глаз, канули в Лету. На смену пришли прозрачные перегородки – все на виду, словно в ледяном дворце. Бросая украдкой взгляды вокруг, Виктория то и дело ловила на себе изучающие глаза коллег, замечала хихиканья, перешептывания. Очередь дошла до Евы...

Бог создал ее не только красивой. Существует миф о блондинках, дескать, дуры набитые, Ева доказывала обратное: она умна, хорошо образованна, а не купила корочки о высшем образовании, практична, успешна... Впрочем, успех дело тонкое и неоднозначное. Если

брать карьеру, то Ева успешно продвигалась по лестнице менеджмента, по слухам, ее постоянно повышал в должности еще отец Даниила, а попала сюда она девчушкой двадцати двух лет.

Сейчас ей двадцать девять, кажется, в этом и есть вся проблема. Красивую, умную, хорошо зарабатывающую, с прекрасным вкусом Еву замуж не звали – почему? Замечательные качества портил один заурядный комплекс, который не только красавиц делает ведьмами, это явление довольно распространено и среди дурнушек с завышенной самооценкой. Она считала себя супер (это справедливо), заслуживающей более высокого уровня, статуса, возможностей, – отсюда и яд недовольства, зависти, злобы. Именно Ева предпринимала активные попытки соблазнить Даниила, остальные девушки уступили ей дорогу без боя, и не вульгарными приемами она прельщала его, а умением быть интересной и нужной.

– Виктория, будь добра, обрати свой взор на меня!

Забыв о контроле, Вика погрязла в думах, заодно вспоминая, что стало известно ей о Еве, нечаянно улетела, а та тут как тут, словно почуяла отрицательные флюиды. Выглядит на все 100! Прямые волосы, свисающие с двух сторон до груди, выровнены, отшлифованы косметическими средствами, воздушны. Хищные чуть раскосые глаза стального цвета добрые-добрые, но почему-то от этой доброты у Виктории холодок пробежал по спине. А какие чувственные губы, они созданы для страстных поцелуев, а не для многозначительной усмешки... пожалуй, да, пожалуй, она главная кобра в этом храме конкуренции.

– Прости, – смутилась Виктория, – у меня разболелась голова.

– Выпей таблетку, – дала совет Ева, положив перед девушкой папку. – Это срочно. Отсканируй документы и вышли по электронке поставщикам во Францию, напиши, что мы сегодня отправляем их экспресс-почтой. Сканеры рекламы отправь во все филиалы, кроме этих... – Она положила другую папку на стол, а сверху свою ладонь с безупречным маникюром. – Отдай назад в рекламный отдел, может, тебе удастся заставить их переделать халтуру.

Вика относительно пришла в себя и напонила Еве:

– Вообще-то не мое дело указывать, кому и что переделывать, я экономист, мое дело – цифры, ликвидность, рентабельность. Боюсь, принесу своим вмешательством только вред, потому что в рекламе ничего не понимаю.

– Учись, пригодится.

– Нет-нет, Ева, я достаточно долго училась, мне нравится то, чем занимаюсь. К тому же в моем договоре не написано, что я обязана делать работу не по своему профилю, а все остальное – разумеется, сделаю.

И тоже наконец-то улыбнулась самой милой улыбкой, на какую была способна в данных обстоятельствах.

– Жаль, – сказала Ева беззлобно. Она вообще душка, прелесть, очарование, только желательно, чтобы это очарование находилось максимально далеко. – Очень жаль, что не хочешь помочь.

Виктория развела руками, мол, извини, а когда Ева повернулась спиной и сделала несколько шагов, уходя, посмотрела в сторону Нонны. Та все слышала, она же сидела недалеко, и показала большой палец, держа кисть у бедра, чтобы никто не заметил жеста поддержки.

* * *

Безусловно, Ева была уязвлена, она просто кипела, еще бы! Уязвлена настолько, что не хватило и нескольких лет, дабы унять унижение, оскорбление и увесистую пощечину (выражаясь фигурально), которую видели все. Все! – ее самолюбие тяжело это переживало.

С первых шагов в фирме старшего Шубина она нацелилась на сына и, выстроив тактику, шла к цели уверенно, зная точно: проигрыш ей не грозит. Даниил существо податливое, не

умеющее противостоять натиску, легко ловится на лесть, да и не слишком умен, чтобы раскусить коварный замысел.

Женитьба на Ирме стала, конечно, неприятным сюрпризом, Ева видела, как влюблен Даня в инфузорию Ирму, но существует постулат: нет ничего вечного под луной, кстати, и под солнцем. Мужик должен выгуляться, а первый брак у людей его плана никогда не бывает удачным. Ева заняла выжидательную позицию, всякий раз демонстрируя Шубиным, что она верная подружка, а также умница, профи, радуется за фирму, как за собственную. К сожалению, не удалось стать закадычной подружкой Ирме, спесивая жена Даниила шарахалась от нее как черт от ладана, а может, шкурой чуяла конкурентку.

Два года пришлось потратить впустую – и вдруг! Ева не без торжества подметила начавшееся охлаждение со стороны Даниила к пресной и постной жене. Но она не спешила. Следовало выждать время, так сказать, не мешать им пока, вклиниваясь между ними, иначе легко создать ситуацию, когда супруги, получив хренову тучу адреналина после крупной ссоры, мирятся и у них начинается новый виток медовых отношений. Однако! Никто не препятствовал нежно отравлять им жизнь. Все карты были в руках Евы, она же всегда под боком Даника, то есть большую часть времени – на работе, где и он маялся. Зайдя к нему в кабинет и положив, к примеру, документы на подпись, Ева с сочувствием, но искренно бросала ему:

– Вы сегодня, Даниил Романович, бледный, уставший. Семейные неурядицы? Пройдет, поверьте, неурядицы – явление временное. Ой, я же могу дать номер телефона массажиста! Лучшего не знаю, потому что лучше не бывает, он кудесник. После его рук выходишь заново родившись, а главное, проблемы меркнут. Вот, возьмите, не пожалеете...

А потом «случайно» встречалась с ним в приемной кудесника. А кто мешает мило поболтать в неформальной обстановке, посплетничать, пошутить? И эдак ненавязчиво посоветовать шефу стилиста, того же дизайнера для жены (намек: твоя амеба не умеет ни одеваться, ни рожу красить) – все только из благих побуждений. А в завершение не грех и чашечку кофе выпить в кафешке напротив, заодно поделиться впечатлениями о фильме, умной книжке, которую он не читал и не прочтет никогда. Короче, раскрыть свой богатый внутренний мир – кто способен помешать? Видя заинтересованность в глазенках Дани, Ева не увеличивала обороты, нет, она-то как раз умна и умела ждать созревания.

Прошел еще год, прежде чем она была вознаграждена за усилия и терпение. Амеба Ирма уехала на похороны отца, а Даниил пригласил Еву на Мальдивы! Десять дней, наполненные гармонией, счастьем, весельем, заботой, адреналинистым сексом, – вот что в ответ она подарила ему. Ева полагала, что, вернувшись, Даня, ставший ручным, вышвырнет за ворота Ирму вместе со спесью и чемоданами, а Еву позовет жить в прекрасном особняке.

Но, черт возьми, мимо! Вернулась амеба, и Даня (козел!) не бросил ее. Миллион раз она задавалась единственным вопросом: почему?! Напрямую спросить чудака на букву «м» не решалась, правду не скажет, а ложь Еву не устраивала. Сама же сделала вывод: не нужно было пить противозачаточные таблетки, а забеременеть в отличие от инфузории. Но она хотела сначала получить гарантии в виде штампа в паспорте, а уж после живот.

Некоторое время они еще встречались, Ева уже созрела на риск с беременностью, таблетки не пила, но – о ужас: отношения прекратились внезапно по инициативе Даниила! Видите ли, он (засранец, и это мягко сказано) не мог больше обманывать жену! Еву накрыло, она написала заявление и ушла с фирмы, чувствуя себя оплеванной, тем не менее своим уходом нанесла удар по бизнесу Шубиных, так как на ней много было завязано.

На работу устроилась, ну, не так чтобы очень работка, платили в половину меньше, отсюда злость на Даню росла в геометрической прогрессии. Некоторые люди склонны в своих неудачах винить кого угодно, только не себя, но одни ограничиваются нытьем, другие – мстят. Еве же хотелось реванша, то есть взять ту высоту, которую наметила, а потому она зорко следила за семейством.

А в семье Даниила вскоре лавиной пошли неприятности одна за другой, как наказание свыше: отец тяжело заболел, Ирма попала в аварию, сам Дания был жестоко избит и ограблен хулиганами. Одновременно кто-то сдал конкурентам документы по усовершенствованию систем энергоснабжения – более компактных и дешевых, с ними Шубин карабкался на мировой рынок и, кстати, делал успехи.

– Так ему и надо, – хохотала Ева, узнав новость. – Жаль, я не додумалась прихватить новые разработки, в другой раз такой ошибки не совершу.

Выздоровев, Даниил уволил всех сотрудников от слова «абсолютно», так как предателя не выявили, значит, под подозрением все. Нет, правда: работает уборщица – кто даст гарантию, что она не прошла школу промышленного шпионажа? Поэтому – вон все!

Вскоре Даниил приступил к набору нового штата, работал сутками, чем удивлял окружающих, ведь Дания не слишком радел за дело. Однако привыкнув жить на широкую ногу, оставшись без поддержки папы, когда благополучию угрожают серьезные проблемы, будешь вертеться, как балерина, освоив даже фуэте. При всем при том системы энергоснабжения и солнечные панели не единственный бизнес этой семьи, так что не сильно и пострадал Даник. Впрочем, его жена восполнила «пробел», одноклеточное создание распустилось, и чем дальше, тем хуже – это был хороший знак для отставной пассии.

Ева отправилась в фирму... наниматься на работу. Ни одного знакомого лица не встретила, а заместителя Дани заинтересовала, она же любой тест пройдет на ура. Правда, в резюме не упомянула, что уже работала в данной фирме – хотела посмотреть на физиономию Даниила, когда они встретятся.

Ее приняли! Это произошло год назад, правда, с Даниилом сблизиться не удавалось, он никого к себе не подпускал, после нападения забаррикадировался охранниками, если нужно было что-то решить – есть менеджеры, заместители, секретари. Он вообще озлобился, персонел гонял как бобиков, а с Евой если и встречался, шел мимо, словно она фонарный столб. Ее бесило наплевательское отношение, с другой стороны – спасибо, что не выгонял.

По мнению наблюдательного коллектива, всему виной его тупая инфузория, которая раскрыла свою суть: стала вести себя как шалава, бомжиха и конченная алкоголичка. А он нянчился с ней! Нет, подумать только: изысканная Ева (богиня, а не девушка) не устроила бесхребетного Даника, ему нравилось таскать на себе пьяную парамецию, нравилось быть постоянной звездой интернета и желтой прессы, а также отгавкиваться от журналюг. Однако! Дураков на свете много, богатых мало, Ева снова запаслась терпением, и вдруг...

Несколько месяцев назад она узнала страшную новость, едва не убившую ее: Даниил завел новую любовницу – бумажную крыску, тихоню Викторию. Да его просто тянет на одноклеточных! Обескураженная Ева с трудом оправилась от шока и заняла позицию созерцателя с навыками сыщика, вскоре убедилась, что народ зря не болтает – Даник частенько приезжал к своей амебе на ночь, оплачивал квартиру в новом районе, увозил ее за город. Вот что это такое? Как это называется? Не дебилность, случайно? Потратить на ничтожество столько лет и получить в качестве долгожданного бонуса фигу под нос?! Тут уж дело принципа.

Гордыня не пускала Еву к Данику выяснить, какого черта он отказался от нее, но теперь инфузорию грохнули из пистолета, а крыска-тихоня от радости разве что не порхала по отделам. Стоило только представить Викторию, занимающую место инфузории Ирмы в особняке на правах хозяйки, сковывало удушие – Ева реально умирала от асфиксии. Итак, настала пора действовать, напомнить кое-что дебилу Данику.

К нему попасть на прием не так просто (идиотизм!), она еле выбила аудиенцию у царя всея холдинга Даниила и отправилась к нему, настраиваясь на мирный лад. Главное, включила контроль, чтоб ни намек, ни слова не вылетело по поводу негодяйки Виктории, типа Ева о ней понятия не имеет. Он сидел за столом в роскошном офисном кресле, листал документы, не взглянув на посетительницу, сказал:

– Я слушаю.

Она тщательно прикрыла дверь, а то здесь у каждой твари ушей по паре на каждой стороне головы, подошла ближе, оперлась руками о стол и, наклонившись к нему, задала прямой вопрос:

– Скажи, почему ты делаешь вид, что между нами ничего не было?

За диоптриями очков-хамелеонов – он носил эти очки после нападения, так как глаза стали болезненно реагировать на свет, – она разглядела, как Даник метнул в нее молниеносный взгляд и сразу опустил глаза – холодные, бесчувственные, чужие. Ева не проняла его! С ума сойти: вдовый идиот переживает из-за своей неадекватной парамеции! И молчал – замечательный прием черствых и непорядочных людей. Ева следующий вопрос кинула:

– Тебе совсем нечего сказать мне?

– Тема закрыта, – проскрипел Даниил, занимаясь документами, он что-то читал, что-то откладывал.

Боже, как же ей хотелось огреть болвана по башке вазой из яшмы, стоявшей на его столе! А чего стоило не разреветься, не удариться в истерику, пришлось выравнивать свой голос, чтобы не дрожал:

– Мы расстались, ты назвал смехотворную причину, которая меня не убедила, но я отступила, ушла. Потом на тебя свалилось много проблем, поэтому я вернулась в фирму, думала, что нужна тебе. И ждала, когда подойдешь, объяснишь, в чем дело... Ты возился с Ирмой, я старалась не мешать, понимая всю сложность твоего положения. Но теперь Ирмы нет, и я хочу услышать, что сделала не так? А ты игнорируешь меня, как будто я не существую. Ведь у нас было все прекрасно... я до сих пор помню... думаю, ты тоже... И не понимаю – почему?

Ну вот, объяснилась в любви, должен, по идее, растаять. А реакция нулевая. Даниил уткнулся в документы, она видела только шапку волос, минуту спустя, не поднимая головы, он пробубнил протуженным голосом, шмыгая сопливым носом:

– Время меняет всех.

– М-да... За то время, что мы не виделись, ты изменился не в лучшую сторону. Не было в тебе этой... черствости... холода... Я помню другого Даника.

О, с каким проникновением, с каким призывом она произнесла коротенький монолог, ему осталось запереть дверь и уложить Еву прямо на стол – она не была бы против, разыграла такую страсть, от которой улетел бы Даник за облака. И показалось, он замер, потому что боролся с соблазном... Еще чуть-чуть...

Ну какая зараза ему позвонила! Даниил поднес к уху смартфон, потом уткнулся в документы и, слушая, что ему говорят, одновременно махнул Еве ладонью, мол, иди отсюда, некогда.

Отношение вместе с повелительным жестом оскорбительное, но... выйдя из кабинета и неторопливо шагая по коридорам, Ева усмехнулась, ибо поняла, что поход к Данику был не самой большой глупостью, которую она совершила.

* * *

С того ужасного вечера, когда застрелили Ирму, Даниил редкий день не проводил у нее, ну и ночь, разумеется, тоже. Виктория ждала его, прислушиваясь к звукам внутри дома и за его стенами, бегая к входной двери и понуро возвращаясь к телевизору – ничем другим заниматься не хотелось.

Даниил пришел поздно, но все-таки пришел, и Виктория почувствовала облегчение. Девушка завертелась вокруг своего божка, а он от ужина отказался, попросил только имбирного чаю с джемом из айвы – то и другое лучше Вики никто не умел готовить. Даниил пил молча, о чем-то думая, и не делился, что его тревожит, ее тоже не отпускала тревога после

разговора с Нонной, а также последующими наблюдениями за коллегами. Нелегко ему. Да и ей нелегко.

Проклятая Ева не выпадала из головы, засела где-то в середине мозга и зудела, зудела... Главное, у нее группа поддержки немаленькая, при этом никого не смущает фальшивое дружелюбие, а Вика не сумела близко сойтись ни с кем, кроме Нонны. Интересно, как они пронюхали о романе с Даниилом? Никогда она не садилась в его автомашину после работы, в ресторанах ужинали редко, притом уезжая в самые отдаленные места или вообще за город, на тусовки вместе не ходили... Так откуда они узнали?

– Ты сегодня непривычно задумчивая, – подметил он.

– Я? – вскинула на него глаза Вика и виновато улыбнулась. – Просто история с твоей женой... все время думается о ней.

Не то хотела сказать, не то. Виктория собиралась открыть правду, которую узнала от Нонны, язык удержали опасения, что эта правда не понравится Даниилу. Того хуже – он подумает, будто она же и явилась источником сплетен, то есть растрепалась об их тайной связи сама, в результате разозлится и уйдет, может быть, навсегда уйдет. Когда в голове пронеслось «навсегда», сомнения вместе с опасениями и желанием открыть правду испарились, как утренняя роса. Тем временем Даниил отодвинул чашку с чаем, переплел пальцы рук и, упершись в них подбородком, сказал:

– Я тоже. Думаю о ней.

– Что-нибудь стало известно? – осторожно спросила Вика.

– Ничего. Завтра иду к следователю, возможно, от него что-то и узнаю о своей жене, чего не знал раньше.

– А когда назначены... м...

– Похороны? – произнес он слово, которое почему-то не хотело срывать с ее языка. – Не знаю. Труп не выдают, над ним проводят опыты.

– Исследования, – робко внесла уточнение Вика. – Так положено, Даниил, экспертизы помогают раскрывать преступления.

– В книжках, – усмехнулся он. – А на самом деле есть факт: выстрел и пули с гильзами, которые показывают, из какого оружия стрелял убийца и зарегистрировано ли оно. Все. Автографов убийцы не оставляют, а если оставляют, то это генетические дебилы. Думаю, завтра следователь скажет, когда мне отдадут тело. Но пышных похорон не будет, закопаю идиотку без поминок.

Последнюю фразу он бросил с чувством гадливости, сквозь стиснутые зубы, у него раздувались ноздри, выдавая накопленный негатив внутри. Вика накрыла своей маленькой ладошкой его большую руку, певуче вымолвив:

– Не надо злиться, Даниил. Смерть примиряет...

– А меня разозлила. Я в примирительном состоянии долго находился, старался быть снисходительным к ее выходкам, давал деньги, отчета не требовал, но с условием: чтобы вела себя прилично. Неужели это трудно – выполнить условия? Но она же куда-то влезла! Результат – две пули и много базара! В пятницу и меня приглашала в клуб, я, к счастью, отказался, а то бы вместе с ней за компанию лежал в морге.

– Наверно, она хотела помириться, – предположила Виктория.

– Поэтому я не согласился. Виктория, давай оставим эту тему? Я ненавижу убитую Ирму, не хочу, чтобы она и после смерти была главным моим головняком.

Виктория пересела к нему на колени, обняла, зачирикав:

– Не буду, не буду. Но прошу тебя, у следователя не говори о ненависти к Ирме, иначе твоим головняком станет он.

Даниил улыбался очень редко, она успевала забыть, как выглядит его улыбка, а после заботливых слов Вики он улыбнулся, пообещав в ее же духе:

– Не буду, не буду.

Вика обожала улыбку своего божка, его глаза, руки... Замирала, когда Даниил целовал ее... И когда его руки скользили по телу, зажигая внутри огонь, который, иногда чудилось, спалит насмерть... как в эту минуту. А она, запустив в его волосы пальцы и отвечая на поцелуи, думала: «Ну почему он не расстался с Иrmой? Ведь есть же я... Не понимаю».

* * *

Несколько помещений Георгий арендовал для офиса в административном здании (раньше там был сельсовет), ведь любая работа – это сначала мешки бумаг, а потом сама работа. Бумагами, как известно, занимаются люди, им нужно где-то сидеть, чтобы строчить отчеты и заполнять бумажки, затем складировать их, будто это ценнейшее сокровище, нуждающееся в сейфах и замках. Трех комнат оказалось вполне достаточно для так называемого офиса – два кабинета и архивное помещение с холодильником.

В небольшом кабинете Георгий бывал редко, объектов много – на одном шло строительство цеха по переработке мяса, остальные подготавливали к зиме, да и в городе три магазина с сельхозпродукцией. Он зашивался, так пришла идея перекинуть часть забот на исполнительную и ответственную Ирину.

Она тоже не торчала на стуле в офисе, короче, на работе встречались они нечасто, но сегодня, закончив дела, Ира не побежала домой, а осталась ждать Георгия. Путь в его кабинет лежал через комнату, где стоял ее стол и еще двух бухгалтеров, которые в отличие от помощницы хозяина умчались к семьям, когда закончился рабочий день. Ирина торчала в интернете, просматривая сайты с интересующей ее информацией, через час дед Тема позвонил, он волновался, куда она делась.

– Артем Иванович, я задержусь. Ужинай без меня.

– Кхе! Думаешь, одному ужинать приятно? Подожду, не умру.

Отговаривать – не послушается, Ирина снова уставилась в монитор, читая статьи про... себя и человека, который два с половиной года назад являлся ее законным мужем. Впрочем, они не развелись, стало быть, сейчас он тоже ее муж. Увлеклась и не услышала, как вошел Георгий, подошел к столу, оперся ладонями о столешницу...

– Эдак сгоришь на работе, – сказал негромко.

– Ой! – вскрикнула Ирина, подпрыгнув на стуле и схватившись за грудь. – Как вы меня напугали!

Она с пиететом к нему относилась, никакого амигошонства не позволяла себе, будто не слыша, как он просил быть немного проще.

– Ну, извини, – плюхнувшись на стул, рассмеялся Георгий. – Я не собирался заходить, ехал мимо, смотрю – настольная лампа горит на втором этаже. Думаю, кто это, не воры ли?

– А это я. Вас ждала.

– М! – выпятил он нижнюю губу в знак удивления. – Тогда давай ко мне, только... чай поставь, я утром ел, жутко голодный.

– Сейчас, – подхватила Ирина. – Есть бутерброды, печенье. Но давайте здесь...

– Боишься? – провокационно сощурился Георгий.

– Ладно, – вызывающе сказала Ирина. – У вас так у вас.

Он открыл ключом дверь своего кабинета и включил настольную лампу, при локальном свете не так виден бардак вокруг, точнее, рабочий беспорядок. Георгий запрещает всем трогать на столах папки, книги, стопки бумаг, после наведения порядка долго искать приходится нужную бумажку... О, эти бумажки, кто их придумал! Он сдвинул стопки в стороны, освободив место для посуды, на пятачок Ирина поставила поднос с чайником, чашками, тарелкой с бутербродами и вазочкой с домашним печеньем. Разлила чай. Пили. Грызли засохшее печенье...

Георгий озадачился: Ирочка ждала начальника, чтобы поговорить, и решительно затормозила. Надо было как-то растормозить девушку, начал он издали, заедая чай бутербродами, а то о печенье зубы сломает:

– Жалко, без лимона... Я люблю чай с лимоном.

– Съели, – задумчиво произнесла Ирина, глядя в чашку.

М-да, его дипломатичности хватило только на парочку коротких фраз, дальше последовал вопрос в лоб:

– Ну, так что случилось, Ир?

– Понимаете, мне...

– Ира, давай на «ты». Мы одни, я не начальник, а просто человек, никто нас не слышит, значит, ничего не подумает и не понесет по деревьям, как ты боялась. Меня достала твоя щепетильность, и, кстати, мне плевать, что про нас подумают. Давай по-простому, иначе у нас не получится разговора, а ведь ты готовилась, как я понимаю.

Она не поднимала глаз от чашки, которую держала двумя руками, но кивнула, мол, согласна на ваши условия. И молчала. Не решалась? Почему? Георгий подпер кулаком скулу и предпринял еще попытку расшевелить ее:

– Смелее, Ирочка, а то я не верю, что это ты. Однажды попал на стройку, когда ты прорабу устроила разгон, и не узнал нашу мягкую, воздушную, интеллигентную Иришу, ты была... настоящей мегерой.

– Потому что не терплю, когда меня нагло дурят, – наконец расшевелилась она. – Он закупил дрянные материалы на рынке и заливал, что это дешевле, чем в магазинах. Как будто я в тундре без интернета живу и не способна узнать стоимость. Я приставила к нему надзор в лице Яши и сказала, что без чеков материалы повезет обратно. У нас есть скидки в магазинах, объемы серьезные, с какого перепугу должны переплачивать, а не наоборот – экономить на скидках? В общем, наши деньги из его кармана я вытащила, пригрозив прокуратурой...

– И нажила врага.

– Ничуть не бывало, мы с ним дружим. Во-первых, я пообещала, что из сэкономленных сумм выплатим им премии... Я неправильно поступила?

– Разумно. А во-вторых?

– Он же местный, дурная слава ему не нужна.

– Теперь с тем же напором выложи, что хотела мне сказать.

Секунду она колебалась, хлопая покрашенными ресницами, потом шумно вдохнула носом и на одном выдохе выпалила:

– Мне очень нужна помощь, но сначала я должна кое в чем признаться, хотя мне стыдно.

– Я готов. И помочь, и выслушать. Ну, долой стыд и... я весь внимание, на роль судьи не претендую.

Глотнув чая, Ирина уложила локти на стол, глаза, конечно, опустила, но смело выдала с некоторыми погрешностями в речи:

– Понимаешь, я вас... деда Тему, доктора и тебя... обманула. Когда очнулась... ну, тогда... весной, когда меня выловили из реки... в общем, моя память была в полном порядке, я... уф... ничего не забыла, все помнила.

– Ну, Америку ты мне не открывала, я догадался.

Ирина так долго готовилась к признанию в обмане и раскаянию, а Георгий догадался! Как тут не изумиться и не разочароваться одновременно? Неужели она плохо справлялась с ролью пострадавшей не только от переохладения и ранения, но и от страшной напасти – амнезии? Слово-то какое красивое и таинственное – амнезия! Ирина безупречно разыгрывала эту напасть, а Георгий...

– Догадался... – вымолвила она растерянно. – Когда?

– Не сразу. Просто сопоставлял твои знания и незнания...

– Хм, вел за мной наблюдения?

Ну и забавной же она смотрелась после открытия, что ее тайна давно не являлась тайной! Глазами беспомощно хлопала, губы расквасила, еще чуть-чуть – и бедняжка расплчется, а Георгий развеселился:

– Естественно, изучал. Интересно же понять, что за русалку нам подкинула река. А однажды, здесь тоже никого не было, как сейчас, ты выскочила куда-то, а твоя почта была открыта. Случайно глянул на монитор, а там – письмо от твоей мамы.

– Ты читал?! – ужаснулась Ирина.

– Только начало: «Ирма, доченька, лучше сиди в деревне среди нормальных людей, чем среди подонков...» Вот и все. Мне стало ясно: ты помнишь себя! Но я решил, раз не хочешь, чтобы мы знали, кто ты и почему в тебя стреляли, значит, есть причина скрывать себя настоящую. Не от нас, я полагал, а от тех, кто стоит за выстрелом.

– И тебе не пришла в голову мысль, что я связана с криминалом?

– Есть грех, правда, только вначале.

– Интересно... А где я сделала ошибку, где прокололась?

– Пф! И не одну. Ну, как пример... Я не могу похвастаться начитанностью, но людей начитанных отличить могу. Конечно, это не показатель, но люди, усвоившие доброе и вечное из литературы, они как-то иначе светятся. Потом подметил: ты умеешь ладить с людьми, добродетельная – это качество вовсе не свойственно криминальному составу. Еще ты чуткая. Соседка деда Темы заболела, ты к ней бегала помогать, лекарства покупала на свои деньги – где же тут криминалу прижиться? Да и деда Тему любишь как родного, он тебя тоже обожает. Ну и, без сомнения, у тебя есть профессия...

– О, сколько достоинств перечислил, – фыркнула Ирина. – Я PR-специалист, или менеджер, но ошиблась в выборе профессии.

– Во как! – вытаращился Георгий. – А я-то все голову ломал: откуда у нашей Ириши способности убалтывать проверяющих коршунов. Нет-нет, ты не ошиблась, у тебя отлично получается. Короче, присматриваясь к тебе, я понял, что ты не могла участвовать в незаконных образованиях, не та натура, не тот характер. Слушай, а почему ты с нами не была откровенной? Мы не враги тебе.

– Боялась возвращаться к прошлому, меня убили и убили, думала, пусть будет так, здесь искать не будут...

– А кто тебя... м?

Ирина отвела взгляд в сторону, потирая нижнюю губу, некоторое время молчала, из чего он понял, что убийца ей известен. Но дело обстояло хуже: много раз в мыслях, которые она гнала от себя, Ирина проворачивала основные моменты в прошлом и делала определенные выводы. Только вот убийство в пятницу Ирмы Шубиной (то есть ее же) внесло сплошной хаос. Теперь она не уверена, ни в чем не уверена.

– Знаешь, – начала дрогнувшим голосом, – я старалась вычеркнуть из памяти все, что осталось на том берегу реки, в которой вы меня выловили. Поначалу даже не пыталась анализировать, чтобы понять, кто стоит за выстрелом. Я просто хотела жить, и, скажу честно, жила счастливо. Деревня лучше, чем могила, верно? Но в пятницу меня снова убили... Вот глупо звучит, да? И что-то внутри сдвинулось... перестроилось. Я больше не хочу жить в подполье, хочу дышать свободно...

– Давай без подходов: чего ты конкретно хочешь?

– Мне нужен отпуск, но дед Тема о нашем договоре не должен знать.

– Ладно. Что дальше?

– Мне нужно найти квартиру в городе и разобраться наконец-то... – Под его пристальным взглядом не смогла юлить. – Ну, понаблюдать за мужем.

– То есть хочешь вернуться к нему.

– Нет, конечно! У меня другие цели.

– Придется выложить мне свои цели, если хочешь, чтобы я помогал. И вообще, пора тебе рассказать, что с тобой приключилось. Надеюсь, мне ты доверишься?

Ирина закивала, мол, доверяю, и все равно не спешила приступить к исповеди. Проблема в чем: некоторые эпизоды не красят ее, их стыдно открывать, тем более мужчине. А без этого рассказ будет неполным, она посчитала нужным внести ясность:

– Не знаю, с чего начать, не хотелось бы мне выглядеть в твоих глазах несчастной, забитой, напротив, меня можно назвать удачливой...

– Да уж начни с чего-нибудь, – подталкивал ее Георгий.

– Ну, тогда... может, лучше от печки? Пожалуй, так и мне удобней будет понять, что и кому моя смерть принесла. Вот, смотри... Ой! Все же пойдем в наш кабинет? Там компьютер, я подобрала сайты...

Ирина убежала в смежную комнату, села на прежнее место и оглянулась, увидев в проеме Георгия, махнула рукой:

– Садись рядом, я буду показывать фотографии.

Георгий со стулом переместился к ней, как только он уселся, Ирина живо защелкала мышью. На мониторе одна за другой появлялись фотографии, в основном молодого мужчины, а она поясняла:

– Этот человек был моим мужем, его зовут Даниил. Мы познакомились на конкурсе красоты, я была участницей...

– Ого! Ты, наверно, заняла первое место? – кинул он комплимент.

– Ни одного призового, где-то в хвосте плелась, но я никогда не мечтала о карьере модели, меня насильно всунули. А Даниил, точнее его отец, спонсировал конкурс, после был банкет, тогда мы и познакомились. Наши отношения развивались стремительно, через четыре месяца поженились...

4

Непонятная история

Ей исполнился двадцать один год, всего-то! Не обремененная ни опытом, ни житейскими знаниями, ни практичностью, ни рациональностью, Ирина-Ирма была пугающе наивна. Во всяком случае, так воспринимали ее родители и не очень-то радовались замужеству дочери, считая, что нувориши не заморачиваются морально-этическими нормами. Как известно, подобная позиция второй половины сулит жене глубокие разочарования, но разве молодость слушает кого бы то ни было? Ею руководят гормоны и глупость.

Даниил оказался полной противоположностью тому, что внушали родители, – мягким, внимательным, щедрым. О, щедрость! Она у кого угодно сдвинет в мозгах все необходимые центры, отвечающие за трезвый разум. Ну, а как должна реагировать юная девушка, получив в качестве свадебного подарка крутой автомобиль? Или ей надо рвать на себе волосы от ужаса, когда дают банковскую карту и говорят: «Скучаешь? Погуляй по магазинам, купи шмоток – это верное средство от скуки». За плечами Ирмы выросли крылья, она парила над землей и завистливыми обывателями, осваиваясь в новом для нее сегменте капиталистов. Так продолжалось целых два года, а вот после... По прошествии двух лет крылышки потихоньку опускались, отказываясь доставлять хозяйку к белым-белым облакам.

Двух лет достаточно, чтобы даже сдвинутая от счастья Ирма понемногу научилась видеть не только алмазы в собственных ушах. В конце концов, нужно быть дурой в кубе, чтобы не заострить внимание на конфликтности Даниила с отцом, а девушка была далеко не дурой. Ну, да, да, банальная внутренняя драма подтачивала немногочисленное семейство: отец не ладил с сыном, считая Даню хуже себя, а тот старался угодить, да все как-то мимо попадал, вероятно, бизнес не его планида. Из мужа мог получиться музыкант (он отлично играл на гитаре), певец или артист (внешность своеобразная, но притягивала глаз), а еще он мог стать ученым – с его-то математическими способностями.

Но единственного сына отец упорно натаскивал на роль босса, продолжателя дела и рода... Вот! Вот и главный пунктик, с которого начались проблемы жены Даниила – Ирмы: с продолжением рода никак не клеилось. Свекор злился, считая своим долгом напоминать невестке о ее предназначении – принести семье реальную пользу, раз уж не осчастливила материальным вкладом, свекровь, естественно, подпевала свекру. Даниил заступался за жену, снова ссорился с отцом... В общем, ей это все не нравилось. Кстати, родители Даниила не противились их неравному браку, они хотели видеть единственного сына при полном наборе благ, которые отпущены самим Господом, в этом смысле счастье – важнейшая составляющая жизни. Но девочка обязана исполнить свой долг, иначе – пошла вон с Олимпа.

Она бегала по врачам, выясняя, почему не беременеет, исследования показали: все в порядке, нужно проверить мужа. И проверили. Проблема оказалась в Данииле, он был просто убит наповал, расклеился, разнюнился, сказал, что не станет возражать, если Ирма уйдет от него. Уйти? Она очень любила мужа, а дети... живут же люди без детей, вот и они проживут.

– Папа говорит, – успокаивала она Даника, глядя его, ненаглядного, по непокорным волосам, – что человек за свою жизнь должен сделать три дела: построить дом, посадить сад и воспитать сироту. Давай попробуем и мы выполнить все три условия.

Папа высказал еще одну ценную мысль, когда дочь приехала провести родителей, живших в ста километрах в маленьком городке, и поделилась, с чем столкнулась. Отец и дочь сидели на террасе скромного домика, наслаждаясь чаем, пирогами с творогом и повидлом да беседой по душам. Ирма – поздний ребенок, отцу исполнилось сорок пять, когда он принял роды у жены практически в антисанитарных условиях, мама на двадцать лет моложе. К позд-

ним детям относятся... ну, разве что не ставят их на полку рядом с иконами, но родители Ирмы не развивали в дочери эгоистку, которой все позволено. Воспитанием оба занимались вдумчиво, уделяя время девочке каждый день, а не от случая к случаю, учили разным житейским мудростям, например, считаться с интересами других людей, иначе сосуществовать с людьми будет сложно.

Ирма обожала посиделки с папой, ставшие редкими, не считала зазорным откровенничать с родителями, потому слушала отца внимательно, откладывая его слова в памяти. Так вот он как раз не разделил ее самопожертвования:

– Право выбора за тобой, но знай, наступит день – и ты пожалеешь об упущенной возможности подарить себе и миру чудо. Никакое богатство не заменит детей, без которых счастье в семье не может быть полным.

– Папа! – Ирма не на шутку рассердилась, впрочем, просто чуточку повысила голос, злости и близко не было с ее стороны. – Как ты мог подумать, что я из-за денег с Даней!

Ее красавец папа с заливчатскими усами, какие носили гусары, с глазами доброго волшебника, с кудрявым серебряным чубом убаюкивал бархатным голосом, одновременно делая рациональный расклад:

– Прости, если обидел. Но милая, это сейчас твоя жертва умиляет тебя же, ведь благородный поступок всегда приносит больше положительных эмоций тому, кто его совершил. Но ты не можешь спрогнозировать будущее, а там лично я не вижу красивых вариантов для тебя. Взаимная любовь начнет успокаиваться, ты – сначала взрослеть, потом стареть, совместная жизнь рано потускнеет без связующего звена. Даниил станет тяготиться твоей жертвой и начнет делать забеги на сторону. Когда ты обнаружишь измену, он будет вести себя крайне жестоко – мужчины не любят чувствовать себя виноватыми. А человек эгоистичного склада, слабый духом, всегда разрыв делает максимально болезненным для жены, таким образом он интуитивно защищает себя от дальнейших встреч с ней и связанного с ними дискомфорта. В общем, дорогая, при любых раскладах в выигрыше останется Даниил, а ты – ни с чем. Это я тебе как мужчина открываю тайнства нашей психологии.

– Более позитивного прогноза у тебя нет в запасе?

– А как же! В запасе всегда имеется сладкая история, – улыбнулся папа, болтая ложечкой в чашке с чаем и широко улыбаясь. – Но, видишь ли, детка, эти истории не типичны, а вариант, который я тебе обозначил, наиболее вероятен, скажем, процентов на 95. Я серьезно, положение осложняется Даниилом, он рос в семье, в которой его не ограничивали атавизмами – мораль, совесть, можно-нельзя, сострадание...

– Даниил хороший, папа. Поверь.

Отец посмотрел на нее, чуть наклонив голову к плечу, ему понадобилась пауза, чтобы подобрать подходящие и необходимые слова, а Ирма катала ладонью яблоко рядом со своей чашкой, глядя куда-то в сторону. Задумалась – уже неплохо, меньше всего он хотел разрушить ее жизнь, но обязан был открыть девочке чудесные медные глазки на перспективы:

– Я вижу его чуть-чуть в другом ракурсе, но я же не влюблен. Даниил старается быть хорошим, но как личность он слабый, внутри парня нет крепкой платформы. Все процессы в организме твоего Дани – будь то ментальные или физические – направлены на его комфорт, другим там нет места. К сожалению. Ну, вот хотя бы такой момент: Даниил просил тебя о результатах исследования не упоминать при отце с матерью, что бесплоден он, а не ты, – почему? Ирма, он же подставляет тебя. На кого будут сыпаться шишки? Родители ведь не успокоятся, превратят твою жизнь в ад сознательно, чтобы вы расстались. А что страшного произойдет, если сказать правду? Так природа распорядилась, отняв возможность иметь потомство, она умнее.

– Даня не хочет разочаровывать родителей, – подала голос дочь, но уже неуверенный, потому неубедительный, отец в ответ грустно рассмеялся:

– Не-ет. Всему виной слабохарактерность, нежелание испытывать малейшие неудобства. А слабохарактерность снимает печати с других негативных черт, разумеется, при благоприятных для этого условиях. Пойми, я не настраиваю тебя против мужа, просто не хочу, чтобы однажды об тебя вытерли ноги, поэтому, дочь! Присматривайся, подключи холодный рассудок, анализируй и заруби на носу: взрослый человек не поддается перевоспитанию, особенно избалованный. Исключения, конечно, есть, наверное... я лично не встречал, видимо, потому, что нетипичны, они нетипичны. Я прошу тебя, как почувешь неладное, руководствуйся разумом, а не эмоциями, эмоции – самый короткий путь к ошибкам, иногда к катастрофическим ошибкам. Но и другое не забывай, у тебя есть тыл: наш дом и мы с мамой.

Как бы то ни было, а сказанное запало в душу, правда, не сразу, а отложилось в багаж до полного созревания. Разумеется, после отъезда из отчего дома наставления папы притупились, впрочем, по-другому быть и не могло – Даниил встретил ее, словно они не виделись год, дарил подарки, водил по тусовкам. А между вспышками праздника случались неприятные мелочи, пустяковые ссоры, примирения, сигналившие в мозг: не все радужно, как тебе хотелось бы. Чтобы развеяться и переформатировать чувства, Даня купил билеты на Мальдивы.

И тут удар! Неожиданный, подобный разорвавшейся бомбе, удар, который останется навсегда в сердце. Наверное, с этой поры и начался разворот от клинического счастья, граничащего с идиотизмом, до полного прозрения.

Посиделки с папой на террасе стали последними, причем Ирма рвалась домой, будто чувствовала беду, но Даня! Даня находил предлоги, чтобы не пустить ее к родителям. Его запреты снял звонок мамы: папа не пережил третьего инфаркта, умер в «скорой» по дороге в больницу. До этого момента Ирма не представляла, что бывает так тяжело, и ничем не унять боль, и ничего не вернуть. А второй удар (не смертельный, но все же) нанес Даниил, он, наблюдая, с какой суетой жена кидает в дорожную сумку вещи, собираясь на похороны, промямлил:

– Как же так, Ирма? Мы должны послезавтра лететь... я оплатил гостиницу... отдельное бунгало, кучу зелени отвалил, и что теперь?

Она просто рухнула на подлокотник массивного кресла, глядя на мужа и не узнавая, казалось, этот бред произнес не он. Да нет, он. Даниил смотрел в окно, стоя вполоборот к ней, держа руки в карманах брюк, слегка опустив голову и надув губы. М-да, вид был крайне огорченный, будто у него отняли любимую игрушку! То есть смерть отца жены не так огорчительна, как срыв поездки на островной пляж!

В тот миг и вспомнился Ирме разговор с папой в мельчайших деталях, вместе с тем пришло осознание, что она тоже для Дани игрушки! Да-да, и пока любимая игрушка. Ему нравится с ней возиться, играть в мужа и жену, дарить ей подарки, одевать иной раз в то, что она не хотела носить. Но игрушки надоедают, даже любимые забрасывают на чердак за ненужностью или их отдают, потому что появляются новые красивые куколки.

У нее хватило ума не закатывать истерику, мол, как ты можешь о каких-то Мальдивах с бунгало говорить, когда не стало моего папы, кто ты после этого? А ведь хотелось крыть его самыми плохими словами, отхлестать по щекам, однако Ирма сухо сказала, вернувшись к своему занятию:

– Прости, Даня, я должна быть рядом с мамой и проводить папу.

– Понимаю... Я скажу нашему водителю, чтобы отвез тебя.

Это был третий удар, после такой «заботы» у Ирмы в глазах потемнело, когда дошло: Даня не собирался сопровождать ее на похороны! И послышался папин голос, или его дух, прилетевший к дочери, повторил шепотом: «Все процессы в организме твоего Дани – будь то ментальные или физические – направлены на его комфорт, другим там нет места». Это же правда, горькая правда, ведущая в тупик, если ее не признавать. Знаки-то были и в достаточном количестве, только глупышка Ирма отметала их, дескать, нечего на мелочах заикаться, а мелочи, как оказалось, говорили о больших издержках.

– Не стоит, сама сяду за руль, – наконец выговорила она, стоя напротив Даниила и глядя в его непорочные глаза. – Мне удобней одной, чем с чужими.

– Но ты в таком состоянии... – попробовал возразить муж.

– Справлюсь, – перебила Ирма. – Ты же знаешь, я люблю водить, а не ехать рядом с посторонним человеком. До встречи.

– Передай теще мои соболезнования.

– Спасибо. Передам.

Он ничуть не смущался, а ведь должен (обязан!) понимать, что со всех точек зрения поступает некрасиво (мягко говоря), оставляя жену один на один с горем. Нет, Ирма видела чистое от всяческих сомнений лицо! Даня находился в завидной уверенности, что не обязан все бросать и нестись за сто километров на похороны человека, которого по большому счету не знал, так как не стремился с ним видиться. А уже по дороге пришло четкое осмысление: ее положение зыбкое, как пески, в которых очень быстро тонут. Стоило крепко подумать над словами папы, по-новому взглянуть на свою никчемную жизнь.

Потерей отца одновременно была «отмечена» и дата свадьбы Ирмы с Даниилом – три года. Собственно, к этому событию и приурочил муж поездку на Мальдивы, а мама сказала, что подобные совпадения плохая примета. Обе сидели за тем же столом на террасе, только теперь осенний холод заставлял кутаться в теплые вещи, но в осиротевший дом не хотелось уходить.

– Тебе двадцать четыре, – задумчиво говорила мама, – в этом возрасте современные люди еще инфантильные, надеюсь, ты к ним не относишься.

– А что я должна сделать, по-твоему, чтобы не относиться к инфантилам?

О, ирония! К ней прибегают, когда претензий к себе и окружающим немерено, а разложить их по полкам и разобраться в них не в состоянии. Но и мама попала в затруднение:

– Не знаю, малышка, не знаю. Не хочу тебя настраивать против мужа, но это ненормально, что Даниил проигнорировал похороны твоего отца и не приехал с тобой. Дело не в моей обиде... хотя, не скрою, было стыдно перед знакомыми... дело в человеческом отношении. Я беспокоюсь за тебя. Потому что в вашем союзе с Даниилом не вижу смысла. Кроме денег! Но ты же не из-за них с ним?

– Конечно, не из-за них, – уныло пробормотала Ирма, оскорбившись, что было глупо. – Вы с папой заложили в меня другую программу...

Папа! Наверное, она снова услышала его шепот, а может, это был ветер, на секунду залетевший на террасу и напомнивший голосом отца: «Ты останешься ни с чем». Но что значит – ни с чем? А ведь расшифровка предельно тривиальна, подобное случалось не однажды со многими девушками: Ирму могут в любой момент попросить из особняка. Она же после универа ни дня не работала – не разрешал Даня, разве что иногда ей приходилось помогать ему, когда свекор взваливал на сына гору заданий из сферы бизнеса. Муж в знак благодарности покупал сережки-колечки, это было так мило. Однако, выйдя из элитного гнезда, куда ей идти, где и на что жить, где работать? М-да, раньше следовало отстаивать свое право на работу, на интересы, да вплоть до одежды, которая часто нравилась единственному человеку – мужу.

Но почему возникли столь негативные мысли – что, вот так внезапно открылись глазки? Разумеется, этому предшествовали и последние месяцы в доме родителей Даниила, и ее наблюдения по совету папы, и выводы, она стала частенько заглядывать в будущее – как там сложится? Способствовал анализу не только Даня, его родители постоянно намекали на бесплодие, мама особенно старалась, советуя искусственное оплодотворение или суррогатную мать нанять, походя бросала в качестве шутки, мол, дешевле другую жену приобрести. Приобрести! Как диван, машину, браслет. Даниил злился, но это пока! Состояние дискомфорта его все больше угнетало, скрывать свои настроения он не умел, раздражения выплескивал на жену, а Ирму семейные трения напрягали. После смерти папы она серьезно задумалась: зачем ей такая

неинтересная, зыбкая жизнь приживалки? Следовало рационально подготовиться к неожиданностям.

Выход нашла внезапно – будто кто-то клюнул в голову и внес туда важную мысль. Ирма встала и ушла в дом, вернулась сразу, положила перед мамой косметичку со словами:

– Забери и спрячь подальше, ладно?

– Что здесь?

– Украшения. Я приехала в них, потом сняла, пусть у тебя лежат. И еще... Я буду перечислять на твою карту деньги, но ты их не держи на карте, лучше на банковском счету или на депозит кинь – хоть какая-то будет прибыль. Мне нужна подушка безопасности.

– Поняла. Плохо тебе там, дочь?

– Еще не совсем, но к тому идет. А начинать с нуля, точнее, с минуса – нет, этого я не заслужила. Раньше, когда смотрела старые фильмы и слышала, как героиня оскорбленно бросала пафосные фразы типа «я не вещь!» – мне было смешно. А сейчас наблюдаю к себе отношение как к чему-то временному, что можно безболезненно заменить и тут же забыть о нем. Не хочу. По суду с них ничего не получу, а вражда с подобными людьми обходится дороже, значит, пойду другим путем.

– Прости, но где ты деньги возьмешь? Надеюсь, не опустишься до...

– Воровства? Ха, мама!.. Ты у меня прелесть.

Вернулась Ирма в дом мужа после девяти дней со дня смерти папы, чувствуя себя ужасно, состояние потери не проходило, сюда примешивалось ощущение ненужности. Нет, ненужность не демонстрировалась, но была понятна, опять же, в мелочах, которые теперь стали очевидной закономерностью.

Одновременно с ней вернулся и досточтимый муж – да, да, он летал на чертовы Мальдивы! Данный поступок уже сложно назвать мелочью, это тревожный звоночек. Один летал или с «приятелем», Ирма не стала выяснять, боясь, что любопытство приведет к команде ей же: чемодан, вокзал, на шею к маме. В данных обстоятельствах психически здоровый человек, видя унижения, будет упорно и сознательно выстраивать свое будущее, исходя из самого худшего варианта, что и делала Ирма.

Теперь деньги, перечисляемые на ее карту мужем, она не тратила или тратила – лишь бы ему глаза замазать. Ирма пересмотрела свой гардероб, а он немаленький, отобрав одежду на все случаи жизни в одном экземпляре, остальное тайком продавала, деньги перечисляла маме. Вместо фитнес-клуба стала посещать курсы иностранных языков, хотя английский знала довольно сносно на бытовом уровне. Но сейчас, предлагая хорошо оплачиваемую работу, работодатели пишут для соискателей: «знание иностранных языков предпочтительно или: «знание иностранных языков приветствуется», а Ирма рассчитывала устроиться на хорошую работу. Не посуду же ей мыть в кабаке! В то же время Даня, видя ее усердие, поднимал брови, недоумевая:

– Зачем тебе головняк с языком? Твоих знаний вполне хватает, чтобы поговорить о погоде с аборигенами. Не жалко времени?

– У меня времени много, – улыбалась Ирма, научившись хитрить. – Благодаря тебе.

И еще любопытный показатель: Даниил все чаще забывал перечислять деньги, приходилось ненавязчиво напоминать ему, к тому же суммы стали меньше. Не могла не заметить и нового отношения к себе – как к гостю, что иногда пахло иезуитством: ты вроде бы здесь живешь, правда, не на постоянной основе. Ирма стала посторонней в семье мужа, к ней уже не цеплялись (к счастью) по поводу нерожденных детей, с ней были вежливы, но не более того. Возможно, так только чудилось, а может, и раньше все это было, она просто не хотела замечать?

При всей неблагоприятно складывающейся ситуации Ирма не решалась гордо поднять голову и уйти. Вероятно, сила привычки срабатывала, ведь женщина до последнего будет цепляться за то, что не подлежит восстановлению и представляет собой эфемерную опору. С другой стороны, она еще не была готова к самостоятельности, Ирма упорно готовилась к ней.

Ситуация чуть-чуть улучшилась, когда уехали родители Дани, они купили домик где-то на границе Франции и Швейцарии, решили просто пожить для себя в тиши на свежем воздухе. Бизнес кинули на сына, а тот потерялся, ведь слыть крутым бизнесменом под папиным покровительством проще, чем самому управлять. Даниил бросился к почти покинутой жене за поддержкой и советами, а ей вдруг показалось, что с отъездом родителей муж отходит, возвращается к тому Дане, которого она встретила. Как часто случается, невестка грешила на свекровь со свекром, мол, они настраивают мужа против нее. Оказалось, опять прав был покойный папа: Даниил способен любить единственного человека – себя самого, остальные ему со временем надоедают.

А в общей сложности прошло два года, не стоит описывать разросшееся отчуждение, это неинтересно, но время лучший терапевт, который окончательно излечил Ирму от иллюзий и наивности. Настал день, когда она решилась сказать мужу – финита ля комедия, дорогой!

Прощание ей хотелось обставить максимально красиво, ведь в их жизни были и хорошие периоды. Ирма выбрала свой день рождения – 29 апреля, и ресторан на берегу реки, выстроенный в форме средневековой крепости, разумеется, в миниатюре. Настал тот самый день, о котором теперь до гробовой доски будет напоминать простреленное плечо, на погоду оно ноет, как кости у престарелой бабки.

«Старый форт» удален от города на несколько километров, вокруг разбит небольшой парк с ротондами и столиками, есть несколько номеров для перебравших спиртного гостей, решивших заночевать. В летнее время народу здесь полно, несмотря на дороговизну, манит сюда загородный воздух, необычность в интерьерах, хорошее обслуживание и, конечно же, кухня.

В «Старый форт» Ирма приехала к восьми часам вечера, Даниил не мог оставить работу раньше. За два года бедолага не приспособился к режиму главы и положению одиночки, которому положено все делать самому, как и ответственность нести в единственном числе. Папа Дани время от времени требовал отчета об успехах, сын из кожи лез вон, лишь бы не ударить в грязь лицом перед родными, результат был так себе, в итоге он частенько стал прикладываться к бутылке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.